

ЛитРес:

СИЛЬВИЯ
ЛАЙМ

ПОЦЕЛУЙ
БАГРОВОГО
ЗМЕЯ

18+

БУШУЮЩИЙ ОГОНЬ

Золотые пески Шейсары

Сильвия Лайм

Поцелуй багрового змея. Часть 2

«Сильвия Лайм»

2021

УДК 82-31
ББК 84-44

Лайм С.

Поцелуй багрового змея. Часть 2 / С. Лайм — «Сильвия Лайм»,
2021 — (Золотые пески Шейсары)

ISBN 978-5-00155-405-9

Я думала, что смогу отказаться от собственных чувств. Выброшу из сердца мужчину, который никогда меня не полюбит. Мало того, что он командор гвардиаров золотого царя, наг с длинным змеиным хвостом и древней родословной, так оказалось, что он ведет страшное расследование, в котором мне довелось сыграть ужасную роль. Я думала, что сбегу от страсти, которая сводит с ума. Но невозможно убежать от бушующего огня, что сжимает жгучими кольцами... ..кольцами Багрового змея.

УДК 82-31

ББК 84-44

ISBN 978-5-00155-405-9

© Лайм С., 2021
© Сильвия Лайм, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сильвия Лайм

Поцелуй Багрового змея. Бушующий огонь

Глава 1

Я торопливо шла по белоснежным плиткам дорожки и нервно озиралась, словно кто-то из случайных прохожих вот-вот должен был уличить меня в страшном преступлении. Мол, что хорошего может делать академистка, завернутая в старый серый плащ-хламиду, посреди ночи на улице и совершенно одна? Конечно же, ничего. Разве что воровать, убивать или... красться к любовнику.

И если первый со вторым пунктом меня ни капельки не трогали, то вот от третьего я изрядно смущалась, будто в нем скрывалась часть правды.

Я быстро передвигала ногами, боясь, что меня кто-то заметит, и странным образом чувствуя чей-то пристальный взгляд. Некоторое время я даже в ужасе глазела по сторонам, пытаюсь понять, откуда это царапающее ощущение чужого внимания. Но так никого и не обнаружила.

Как это водится в самоцветах, после отбоя в десять часов вечера по территории никто уже особенно не разгуливал. Не то чтобы за нарушение режима серьезно наказывали, в конце концов, Верхняя Шейсара – одно из самых безопасных мест, которые только можно вообразить. Кажется, я даже сейчас слышала, как за высоким забором вдали раздается шорох длинных мирайских хвостов и звон монист формы офицеров городской стражи.

Нет, ничего ужасного после отбоя с академистами произойти не могло. Но в самоцветах поощрялось точное выполнение правил, должное приучить всех поступивших сюда к дисциплине. Поэтому только изредка можно было встретить на той или иной скамейке, скрытой сенью деревьев и цветущих кустарников, какую-нибудь целующуюся и хихикающую влюбленную парочку.

Но, кажется, мне повезло остаться полностью незамеченной.

Крайне довольная собой, я прошмыгнула на первый этаж главного здания самоцветов, с удовольствием погрузившись в прохладу каменных стен после душной улицы. Несмотря на то что солнце уже зашло, вокруг все еще было достаточно жарко. И даже легкое академическое платье, часть формы учеников, не слишком спасало.

Собственную одежду, привезенную из дома, я старалась не надевать. Она больше напоминала лохмотья вроде того плаща, что должен был тщательно скрыть мой облик. В шкафу в нашей с Джерханом комнате кроме формы для занятий спортом висело еще несколько прекрасных нарядов черного цвета с вышитой россыпью самоцветов. Цвет подходил к названию нашего факультета – «Гематит». А вышивка обозначала принадлежность к самой академии.

Мало кто из учащихся носил подобное. Большинство предпочитало собственную одежду, и правила этого не запрещали. Да и попробуй запрети какой-нибудь богатенькой мирае надевать тонну ее любимых украшений вместе с расшитыми жемчугом платьями!

При этом такие, как я, имели возможность выбора: носить собственный хлам или красивую академическую форму. И я была счастлива.

В общем, проникнув тенью в главное здание, я наконец смогла выдохнуть спокойно. Осталось подняться на пятый этаж, где располагалась лаборатория белены, а затем капельку погорать от стыда и смущения оставшиеся два часа занятия у мастера ядов. И все! Буду свободна как ветер.

Делов-то – куча.

Сегодня я была вовсе не в таком ужасе, как обычно перед встречей с Багровым змеем. Ведь на этот раз я придумала одну восхитительную хитрость, которая должна была избавить мастера Риша от запаха моей постыдной влюбленности. Или как там это называется у мираев...

Нет, сегодня у меня есть возможность не краснеть, как перезревшая мякоть инжира, а сохранить хотя бы каплю достоинства.

Ну... по крайней мере, я так думала.

Поднимаясь по лестнице на самый последний этаж, я размышляла о том, как буду себя вести. Конечно, постараюсь держаться от мастера подальше и обязательно, просто обязательно буду разговаривать с ним уверенно и смело! Прежде у меня никогда не было проблем в общении. Я не слишком переживала, когда мельком перекидывалась парой слов с маститыми ворами в подземных ходах под Шейсарой, не беспокоилась насчет того, как буду выглядеть перед самыми заправскими разбойниками, вместе с которыми мы тренировались в одном зале. Все они так или иначе подчинялись моему брату, и бояться мне было нечего. А Синдар со своей стороны никого ко мне и не подпускал.

Теперь же я словно откатилась назад лет на пять-десять, в тот возраст, когда девочки впервые смотрят на симпатичного мальчика и теряют способность связно рассуждать. У меня такого никогда не было! Да и симпатичных мальчиков вокруг не водилось. Только воры. А иногда и убийцы, с которыми мне позволялось только драться, но точно не разговаривать.

Оказавшись в положении наивной влюбленной девчонки и ни разу не сталкиваясь с этим прежде, я понятия не имела, что делать.

Но, как известно, самое важное перед схваткой – продумать тактику будущего боя. И, сделав это, я, кажется, наконец почувствовала себя чуточку спокойнее. Разве что ладони становились все более влажными, чем ближе я оказывалась к заветной лаборатории, да сердце билось в горле. Но это ведь мелочи, правда? Я же все просчитала?..

Когда оставалось пройти последний лестничный пролет, внезапно на четвертом этаже раздались тихие шаги. Из-за нервного возбуждения, которое с какой-то стати все равно решило овладеть моим телом, как насильник невинной жертвой, я резко шарахнулась в сторону, спрятавшись за поворотом.

В целом не было ничего ужасного в том, что кто-то обнаружил бы меня в такой поздний час в академии. Я вполне могла сказать: мол, иду на позднюю практику в лабораторию к мастеру ядов. И там уже не мое дело, какие слухи могла породить правда, которую мастер попросил скрывать. Пусть бы сам отчитывался!

Но каким-то внутренним чутьем я ощущала, что показываться на глаза кому бы то ни было вовсе не стоит.

Именно поэтому я тихонько выглянула из-за угла, пытаюсь посмотреть, с кем же меня чуть не столкнула судьба на совершенно не освещенном по какой-то странной причине этаже...

По спине скользнуло морозное дуновение.

Я почти ничего не видела в кромешной тьме, но была готова поклясться, что на другом конце коридора в женский туалет повернула бледная, невероятно медлительная, словно призрак, фигурка феи.

Я была не слишком-то большим специалистом по феям. Однако лишь эти представители мильеров обладали таким особенным строением, что казалось, будто их хрупкие тела способны рассыпаться в пыль от самого легкого дуновения ветра. Тонкие кости, воздушная походка и волосы, напоминающие на свету нити настоящих рубинов.

Когда они появились в Шейсаре вместе с остальными расами, их даже приняли за посланцев богини Иль-Хайят – высшего божества мираев. Феи походили на вестников первой в мире женщины, что стала наполовину змеей и приручила рубиновый огонь, который впоследствии превратился в символ правящей династии.

Однако стоило мильерам поведать свою истинную историю, как стало ясно, что это ошибка. Феи не были посланцами богини. Они оказались изгнаны из собственного мира силами какой-то катастрофы, затем едва не погибли, скитаясь и сходя с ума на земле, где не было магии. И лишь в самом конце своего пути они появились у нас, в Шейсаре.

Звучит как сказка: другие миры, путешествия, катастрофы... Но именно это я прочла в историческом справочнике по мильерам, когда готовилась к поступлению в самоцветы.

В общем, несмотря на то что феи оказались вовсе не созданиями змеиного божества, некоторые мираи все равно испытывали к ним особенную любовь. Богатые и наделенные властью мужчины из Великих змеев часто предлагали розововолосым девушкам стать их хасси – любовницами. На змеином языке появилось даже новое слово «ильхасси», что означало «рубиновая возлюбленная».

Царь Торриен не поощрял подобных пристрастий своих подданных, но не мог запретить феям соглашаться на роль любовниц мираев, как это произошло бы еще двадцать лет назад.

В те времена не существовало антидота к мирину, и связь с Великими змеями была чревата смертью. Если человеческая женщина беременела от мирая, она умирала. С феями могло произойти то же самое. Однако в наше время антидот против мирина прекрасно действует как на людей, так и на фей. И процент смертности очень низок.

Старые традиции запретов сохранились лишь в правилах вступления в брак. Феи не могли стать женами мираев, как не могли ими стать и простые человеческие женщины. Только сайяхасси оказались исключением – женщины, подобные царице Иллиане, их еще звали змеинокровными. К сожалению, они были столь редки, что и говорить не о чем.

Мне уже было известно, что я не одна из них. Меня не найдет в лесу прекрасный мужчина, не влюбится и не заберет к себе в золотой дворец, как Торриен Золотой змей забрал свою будущую царицу. Нет. Мы не будем жить душа в душу, не зная голода и холода.

И родители не воскреснут...

Впрочем, сейчас был не самый лучший момент для печальных размышлений, поэтому, постаравшись сконцентрироваться, я стала усиленно всматриваться во тьму коридора.

Шло время, а фея не появлялась.

Я нахмурилась, потеряв виски. Не могло же мне показаться, верно?

Впрочем, может, и могло. Весь сегодняшний день я думала только о том, что вечером нужно идти к мастеру ядов. Даже на занятии по магическому сопротивлению материалов половину лекции пропустила мимо ушей. Стыдно признаться.

Поэтому, на миг замерев, я оперлась о стену и закрыла глаза, постаравшись глубоким дыханием восстановить беспорядочное биение сердца. Вот только мне это не удалось. Потому что в ту же секунду, как я это сделала, меня будто пронзило вибрацией тихого, сводящего с ума шепота:

«Череп... вены... и рубин, моя королева... кровь... кровь... кровь...»

Я отшатнулась в сторону, попятившись так резко, что едва не упала с лестницы. В голове пульсировал ужас, я едва не закричала. И в последний момент шагнула мимо ступеньки, не сразу осознав, что опоры под ногами больше нет, а руками зацепиться не за что.

Я падала...

В голове мгновенно пронеслось: падение с такой высоты спиной вперед, скорее всего, станет для меня последним в жизни. И вряд ли мне удастся удачно сгруппироваться. Это конец. Определенно конец.

Едва я успела мысленно попрощаться со всем, что любила, как произошло что-то невероятное. Невероятное потому, что у меня не было ни малейшей возможности это отследить – настолько велика была скорость течения времени.

Что-то черно-красное мелькнуло рядом, как чудовищный ураган цвета крови и ночи, и через мгновение, тихо вскрикнув, я оказалась в крупных кольцах мирайского хвоста. И только

сверкающая змеиная чешуя играла красным золотом в свете тусклого светильника над лестницей, когда я повернула голову и встретилась с пылающими яростью глазами Багрового змея.

– Я даже не буду спрашивать, какого гессайлаха происходит, Фиана Шиарис, – отчетливо прошипел он. Из-под верхней губы сверкнули острые клыки, которые у мастера ядов в спокойном состоянии были вовсе не видны.

А у меня так глухо и остро стучало под ребрами, что я не могла оторвать от них взгляда. От них и от напряженного, отчего-то необычно бледного лица льесмирая.

Потом я обратила внимание на то, как часто и быстро поднимается и опускается его грудная клетка, виднеясь из распахнутой мантии; как беспомощно валяется на полу сорвавшийся пояс, распластавшись по лестнице, словно спящая змея.

И вот тогда я несколько запоздало сообразила, что мастер никак не мог оказаться возле меня так быстро. Разве только перевоплотился на ходу. Ведь еще пару секунд назад, готова поклясться, его не было поблизости.

Получается, прямо сейчас где-то должны были лежать и его порванные штаны...

Подняв голову к лестничному пролету между четвертым этажом, на котором мы находились, и пятым, я обнаружила на самом верху, над «змейкой» пояса, темную ткань превратившихся в лохмотья форменных брюк.

– Не будете спрашивать?... – тихо повторила я замираем просто потому, что в голове не было ни единой мысли, а сказать что-то казалось необходимым.

От застрявшего в районе солнечного сплетения липкого страха соображать было тяжело. От этого, а еще потому, что рядом снова был мастер ядов. С огромным хвостом, обвившимся вокруг меня с чудовищной силой, но и удивительной осторожностью, которую трудно заподозрить в такой громадине. Кольца змеиных мышц сжимали так жестко, что можно было даже не надеяться выбраться, но при этом я почти свободно дышала. Лишь на исходе вдоха ребра касались гладкой и твердой как камень змеиной кожи, над которой зависли мои ладони. Я была в ужасе и не могла дотронуться до него – до огромного хищно-колдовского хвоста.

Вот только... может, это и не ужас вовсе, а застрявшее в горле желание, отравленное нерешительностью? Словно стоит коснуться пальцами маленьких сверкающих чешуек, как я окончательно перестану быть самой собой. Фианой Шиарис, которая боится змей. Человеческой женщиной, которая не гладит хвосты нагов. Академисткой, которая не влюблена в своего преподавателя.

Вовсе не влюблена...

– Нет, я не буду спрашивать, гематит Шиарис, – чуть тише продолжил Багровый змей, глядя мне в глаза озерами красного золота. – Я просто придушу тебя на месте.

Я почти не слышала, что он говорит. Его слова словно проходили сквозь меня, пролетая насквозь и растворяясь где-то в полумраке лестничного пролета. А я из последних сил держала себя в руках, лишь бы не прошептать в ответ, жалобно всхлипывая, что если бы он не пришел, то я бы умерла. Что если бы не громадная спираль его хвоста, от которого у меня сдавливало горло, то я бы разбилась. А еще – что я ужасно испугалась чего-то, чему у меня нет даже названия.

Я закрыла глаза и судорожно вздохнула, стараясь, чтобы из глаз не потекли слезы. И неожиданно мастер меня просто отпустил. Неторопливо и осторожно, словно я могу снова упасть с лестницы, стоит ему отойти в сторону.

Я хотела сказать, что это не так. Что я могу спокойно и твердо стоять на ногах. Что я самостоятельный и взрослый человек. Мне уже почти двадцать...

Но едва объятия багрового хвоста расслабились, отпуская меня, как его сменили сильные руки. Одна обняла меня за спину, а вторая перехватила под коленями так быстро, что не успела я произнести даже звук, как уже оказалась на руках мастера ядов.

– Что?.. Не на... – отрывисто проговорила я, широко распахнув глаза и глядя в жесткое лицо Астариена. Но голос оборвался, едва он яростно взглянул на меня в ответ. Его челюсти были плотно сжаты, а лицевые мышцы напряжены.

Мастер двинулся вверх по лестнице, скользя на огромном хвосте и неся меня так, словно я не вешу вовсе ничего. Впрочем, по сравнению с громадной массой змеиной части его тела я и впрямь смотрелась не больше крохотной мышки, закуски для голодного хищника.

Нижняя часть тела Астариена струилась по ступеням, как вода, будто не замечая этих препятствий, поднимаясь с такой скоростью, словно хозяин куда-то торопился. Но это было обманчивое впечатление. Просто мириады двигались гораздо быстрее людей из-за разницы в размерах и мышечной силе.

Мне ничего не оставалось, кроме как замереть и позволить нести себя туда, куда хочет Астариен. К тому же я вдруг поняла, что и не желаю сопротивляться. Что мне гораздо спокойнее, когда он вот так касается. Когда прижимает к себе, словно закрывая огромной фигурой от всего на свете. И когда его руки, в которых так уютно и горячо, становятся стеной, сквозь которую не проникнет ни один страшный шепот.

Вот только мастер ядов не был ни моим защитником, ни стеной. Он был просто преподавателем, от которого у меня кружилась голова, перехватывало дыхание, а сердце начинало биться с перебоями. И к сожалению, на этом все. Разве что иногда, на наших занятиях, я ведь могла позволить себе представить, что это не так?..

Поэтому я положила голову ему на грудь и закрыла глаза, тяжело дыша. Втягивая его едва уловимый и почти непонятный мне запах. Моего человеческого обоняния не хватало, чтобы различить нюансы, которые были так очевидны, когда по моим венам струился мирайский яд. Сейчас мне просто нравилось ощущать жар его тела, чувствовать под щекой мягкую ткань распахнутой мантии пополам с обнаженной грудной клеткой...

Я сама не заметила, как скользнула пальцами под складку одежды и, затаив дыхание, положила ладонь на горячую кожу. Мне просто нужно было почувствовать... что он настоящий. Что все это мне не привиделось. А еще ужасно хотелось вновь ощутить, каково на ощупь смуглое золото его тела...

В этот момент мастер ядов судорожно выдохнул, продолжая двигаться вперед. Затем распахнулась дверь лаборатории, а льесмирай осторожно опустил меня на ноги и почему-то замер.

Я отдернула руку, испугавшись, что позволила себе лишнего и Астариен меня вот-вот отчитает. Глупая-глупая Фиана!

Но стоило поднять взгляд на Багрового змея, как стало ясно, что никого ругать он не собирается. На меня он не глядел вовсе. Его губы были напряжены, а взгляд направлен точно вперед.

– Тебе придется зайти самой. Увы, вдвоем нам внутрь не попасть. Дверные проемы самоцветов не созданы для Великих змеев с красивыми девушками на руках.

– Что? – хрипло выдохнула я, думая, что ослышалась.

Не поворачивая головы, Астариен бросил на меня короткий косой взгляд. Кажется, уголок его губ на миг приподнялся, словно он хотел улыбнуться. Но так себе и не позволил.

– Проходи, – кивнул льесмирай в сторону двери и протянул вперед руку в приглашающем жесте. – Наше занятие должно было начаться еще четверть часа назад. Белая королева вот-вот зацветет, а я обязан еще рассказать тебе теорию.

– Конечно! – поспешно воскликнула я. – Прощу прощения...

И забежала в лабораторию, освещенную настолько тусклым светом, что сумрачный коридор четвертого этажа мог показаться залитым солнцем.

– Королева цветет только в кромешной тьме, – пояснил мастер, заходя вслед за мной. – Поэтому здесь допустим только самый слабый свет, чтобы не нарушить цикл растения.

– Понятно, – кивнула я, не уверенная, что это вообще заметно в такой темноте.

Впрочем, зрение мираев тысячекратно лучше человеческого. Это я сейчас видела лишь силуэт Багрового змея. Он, должно быть, мог рассмотреть меня во всех деталях.

По мере того как я успокаивалась после странного ночного приключения, в крови начало пульсировать совсем иное чувство. И тьма этому лишь способствовала. Я невольно вглядывалась в очертания мощных мышц льесмирая, изучала поблескивающие чешуйки, дающие представление о том, где сейчас находится хвост Великого змея. А затем неожиданно заметила, что фигура Астариена стала какой-то размытой и неровной, и лишь через пару мгновений поняла, что он просто снял растрепавшуюся мантию, потерявшую в коридоре пояс.

Похоже, теперь мастер ядов остался абсолютно обнаженным. Как и в прошлую нашу встречу.

Стоило мне вспомнить... В общем – нет, не стоило.

К сожалению, похоже, только меня смущала мысль о том, что на льесмирае нет одежды.

Мужчины Великих змеев вполне спокойно могли передвигаться по городу в подобном виде, хотя это и не было принято. Чаще всего они украшали себя небольшим поясом из монист, худо-бедно прикрывающим основание хвоста, грудь венчали драгоценные бусы или цепи, смысл которых был понятен только самим мираям. На запястьях и предплечьях часто оказывались широкие золотые браслеты, чем-то напоминающие элементы доспехов.

И это только у мужчин! Женщины и вовсе могли просто увеличить количество драгоценностей на груди таким образом, чтобы темные эротичные вершинки не были видны, отчего сексуальность образа только увеличивалась.

Одежда у Великих змеев, насколько я успела заметить за время пребывания в Верхней Шейсаре, была весьма специфичной – тонкой и прозрачной. Это если она вообще была. У людей же традиционно сложилась совсем иная мода, включающая вполне пристойные плотные наряды.

Поэтому прямо сейчас, полагаю, Астариен Риш и не подозревал, что, с моей точки зрения, снова делает что-то неприличное. Только я глядела на сильные, эстетично-прекрасные изгибы его тренированного тела, скрытого тьмой, и краснела, надеясь, что в темноте мое смущение не так заметно для Багрового змея.

И на миг забывая, что смущение мираи замечают не глазами, а чувствительными обонятельными рецепторами.

Едва до меня это дошло, как я покраснела еще сильнее, а затем широко улыбнулась. Не смогла сдержать радость. Ведь именно сегодня подобная проблема меня вообще не должна беспокоить! Этим вечером я хорошенько подготовилась к занятию и постаралась, чтобы льесмирай даже отдаленно не ощутил мой запах!

– Приступим, Фиана Шиарис, – странно негромко произнес мастер, махнув рукой в середину лаборатории, и я радостно в предвкушении кивнула.

На столе возвышалось темное пятно вроде купола. А возле него сконцентрировалось бессчетное количество колбочек и баночек. Похоже, сегодня мне предстояло практическое задание и одним вдыханием ароматов и теорией мы не ограничимся.

Вот только...

– Однако перед тем как мы начнем, гематит Шиарис, изволь пройти в душевую комнату и смыть к гессайлахам ту цветочную дрянь, которой ты себя за каким-то мраком облила! – рявкнул змей так громко, что я подпрыгнула на месте и успела сообразить лишь одно: похоже, мой фокус по скрытию собственного аромата с треском провалился.

– Что? Но... – Кончики пальцев слегка задрожали.

Видеть пылающего яростью мастера было все еще страшно. Один его горящий алым огнем взгляд заставлял меня вздрагивать, а от крика, смешанного то ли с рычанием, то ли с шипением, и вовсе все внутри сжималось.

– Как тебе вообще пришло в голову душиться перед изучением ароматов? – продолжал змей, двинувшись ко мне через половину лаборатории. И пока его фигура становилась все ближе, я краем глаза отмечала, как ловко огромный хвост скользит между столами и стульями, словно живет собственной жизнью.

Я ужасно боялась и одновременно странным образом предвкушала то, что вот-вот мастер окажется ко мне совсем близко. Снова. Однако он замер на расстоянии нескольких шагов и неожиданно скривился, чуть повернув голову в сторону. Словно втянул запах чего-то ужасно отвратительного.

В этот миг мне стало ясно, что это «отвратительное» – я. Щеки тут же вспыхнули, сделалось горячо и стыдно.

– Ты понимаешь, что твой запах будет витать в лаборатории до завтрашнего дня? – продолжал Астариен, безжалостно сжигая меня взглядом, едва заметно опалесцирующим во тьме. – Клянусь, чтобы быть настолько бестолковой, нужно сильно постараться. А ты очень старательная академистка, правда, гематит Шиарис?

Мне хотелось провалиться на месте... и в основном оттого, что мастер был прав. Почему я не подумала о том, что не смогу различить и половины предложенных запахов, если буду постоянно вдыхать собственные духи?

Вообще, это, конечно, вовсе не мои духи. Я позаимствовала их у Джерхана, когда его не было в комнате. Вспомнила, как он рассказывал о том, что обоняние мираев чуть ли не полностью отключается, когда они чувствуют резкие запахи дешевого человеческого парфюма, и решила, что для меня это единственный вариант скрыть собственные эмоции от Багрового змея.

Я так беспокоилась из-за того, что мастер ядов будет ощущать весь спектр моих переживаний, что забыла обо всем остальном. Что ж... прямо сейчас бешенство льесмирая было вполне оправданно. Поэтому я стойко выдержала все его жестокие слова, опустив голову и глядя в черный пол.

– Простите, – через силу выдохнула в итоге, как только Астариен перестал ругаться.

Исподлобья я видела, как быстро поднимается и опускается от ярости его грудная клетка, и мне было жарко и стыдно.

– Быстро в душевую комнату! – рявкнул змей, указав рукой куда-то в стену. – У тебя десять минут. Воспользуйся составом из черного... нет, красного флакона. Тут поможет только красный.

Затем резко развернулся и постарался отойти от меня подальше. Почти сразу я услышала звук открываемых окон.

Ничего не оставалось, как последовать указанию мастера, надеясь, что я найду в таком мраке нужную дверь. Вообще, казалось странным, что в академической лаборатории имеется собственная душевая комната. Впрочем... во время занятия может случиться что угодно. Яд способен пролиться на тело, запах – впитаться в волосы, а некоторые отравленные составы могут причинять вред одним своим ароматом. Вполне логично иметь возможность быстро смыть их в случае необходимости.

Дойдя до стены почти на ощупь, я сразу же обнаружила, что передо мной вовсе не стена, а дверь. Стоило коснуться ее, как она практически самостоятельно оттолкнулась от моих пальцев и пропустила меня в небольшое скромное помещение с одной душевой кабинкой, которая не была и наполовину такой шикарной, как в доме Багрового змея.

Вспоминать о той кабинке – не самое удачное время. Однако скинув платье и быстро скользнув под струи воды, я поняла, что не смогу не вспоминать о мастере, оставшемся рядом, за тонкой каменной перегородкой.

Выбрав на полке из десятка разноцветных флаконов красный, я нанесла на тело вязкую непривлекательную жидкость, которая мгновенно вспенилась. Никогда не видела подобного

мыла! Я даже попробовала втянуть его запах, но не смогла уловить вообще ничего. Казалось, что отвратительная на вид субстанция совершенно не пахнет.

В принципе, это тоже было логично, ведь по выходе из душевой я должна была стать чистой, как горный родник, и аромат мыла мне тоже ни к чему. Я больше не планировала разочаровывать своего преподавателя! Поэтому, схватив с той же полки одну из новых водорослевых мочалок, я принялась старательно тереть кожу.

Теплая вода была по мне крупными отрывистыми каплями, смывая с тела запах, а из головы – мысли. Но образ Багрового змея смыть не могло ничто. Я не могла перестать представлять за закрытыми глазами, как по телу Астариена катились капли, когда я стояла неподалеку от него. Я не видела их стремительного движения, но могла догадываться, как это происходит...

В тот миг я была так близко от мастера... И в какой-то момент под тихий перестук водяной трели по полу я вдруг представила, что и сейчас все так же, как в тот день. Только теперь Астариен стоит возле моей кабинки, а не наоборот...

Мне стало жарко, и теплая вода, стекающая по телу, начала казаться прохладной.

Жаль, что я должна была торопиться. Иначе наверняка получше осмотрела бы душевую комнату лаборатории белены. Как минимум изучила бы флаконы с составами для мытья, ведь никогда прежде мне не встречались жидкости, способные полностью смыть с человека любые, самые едкие и опасные яды вплоть до их запаха. А еще я могла бы подольше помечтать о Багровом змее, представляя его за своей спиной...

Пора было выходить. Но стоило открыть прозрачную дверцу, как я поняла, что моего платья на полу уже нет.

– Надень лабораторную мантию из шкафа, – раздался приглушенный голос из соседнего помещения, заставив меня покрыться мурашками от смущения.

– А где же... – еле слышно проговорила я, пытаясь отыскать взглядом собственную одежду, заодно обращая внимание на стенки кабинки. Здесь они не были колдовскими, оставаясь полностью прозрачными.

Жар плеснул в вены.

– Ты же не думала, что я позволю тебе снова надеть платье, в которое намертво вьелся запах духов?! – совершенно невозмутимо продолжил из лаборатории Астариен.

Я вздрогнула.

– Нет-нет, конечно нет, – покачала я головой так, словно он мог меня увидеть прямо через стену, и быстро начала искать шкаф с этими самыми мантиями.

Он нашелся в самом углу комнатки, а мантии, висевшие внутри, напоминали хлопковые халаты с гербом академии. Я быстро накинула один из них, плотно завязала пояс, вытерла волосы полотенцем из стопки на небольшой тумбочке зеленого камня. А затем поторопилась выйти. У нас ведь оставалось совсем мало времени до цветения какой-то там королевы. Кроме того, в моих планах не было заставлять мастера ждать!

Однако я вовсе не рассчитывала на то, что, как только я выйду за порог душевой комнаты, на меня сверху опустится мягкий как облако белоснежный шерстяной плед. А чьи-то руки, жар которых ощущался даже через плотную ткань, обхватят сзади, укутывая и словно обнимая...

Я резко повернула голову, пытаясь заглянуть через плечо. Сперва горло сдавил испуг, как врожденная реакция на неожиданное появление кого-то за спиной, и лишь через долю секунды я сообразила, что беспокоиться не стоит, ведь это всего лишь мастер.

Всего лишь...

Сердце явно считало, что беспокоиться стоит, и еще как. Меня мгновенно бросило в жар, только теперь защитного флера цветочных духов уже не было. Оставалось надеяться, что Джерхан, рассказывая об обонянии Багрового змея, что-то перепутал и все не так плохо, как я себе надумала. Может, он и не почувствует ничего. Может же быть такое?..

Я нервно закусила нижнюю губу, чувствуя, как обжигает меня прикосновение его рук через ткань.

– Здесь холодно, – негромко проговорил Астариен, не торопясь выходить из-за моей спины. Напротив, на несколько неуволимых мгновений его руки стали жестче, а я ощутила, как наши тела соприкасаются. Словно он и впрямь... обнимал меня.

Это обманчивое впечатление исчезло слишком быстро, будто унесенное темными ветрами подземных богов.

– Я открыл окна, чтобы запах твоих ужасных духов испарился, – добавил льесмирай привычным голосом с металлическими нотками.

И у меня по позвоночнику прошла морозная дрожь.

– Это не мои духи, – зачем-то ответила, словно пыталась оправдаться, и плотнее закуталась в плед. Впрочем, возможно, так оно и было.

Мастер уже отпустил меня и, бросив искоса короткий взгляд, вновь вернулся к лабораторному столу, на котором стоял купол с растением.

Астариен словно нарочно не обращал на меня внимания и явно готовился рассказывать материал урока. И только я ежилась от холода, зачем-то надеясь, что мастер снова меня обнимет. Потому что я мерзла не от теплого шейсарского ветра, задувающего в распахнутые окна, а от ледяного голоса своего преподавателя.

Впрочем, было бы лучше, если бы все шло так, как сейчас. Астариен находился бы от меня так далеко, как только можно, а я просто выполняла бы его указания. Тогда, возможно, к концу занятия мне удалось бы сохранить хоть капелюк собственного достоинства. Хоть самую малость!

– Итак, – начал мастер ядов, сцепив руки за спиной, – приступим.

Сейчас его фигура была видна чуть лучше, потому что из распахнутого окна лился сумеречный свет, голубоватыми отблесками оседая на красивом смуглом теле Багрового змея, окрашивая изгибы его мышц в лунное серебро.

– Белая королева – это крайне редкое растение, растущее в основном в горных областях Шейсары, в самых глубоких расщелинах утесов. Его сложно найти ввиду природной скрытности. Белая королева одновременно нуждается в свежем воздухе, прохладе и темноте. Поэтому она не растет ни в подземельях, ни на открытых горных грядках. Лишь в расщелинах, где нет солнца. В лабораторных условиях вырастить ее очень трудно, и для создания необходимых условий был создан вот этот купол.

Астариен вытянул два пальца и невозмутимо постучал по конструкции на столе. Раздался звонкий звук удара ногтями о металл.

Я вздрогнула.

– Как только мой рассказ подойдет к концу, придется закрыть окна и снять купол, чтобы запах цветка не выветривался, – продолжал льесмирай, все так же не глядя на меня, словно вел лекцию для кого-то другого. – Тогда ты должна будешь приготовить яд из белой королевы, используя только свое обоняние.

– Только... обоняние? Без рецепта? – выдохнула я, громко сглотнув.

Мастер ядов явно не пытался облегчить мне занятие. Ни на йоту. Он бросил на меня очередной короткий взгляд и ничего не ответил, продолжив лекцию:

– Белая королева совершенно безопасна до момента цветения. Однако ее цветы ядовиты настолько, что ими можно отравить даже миряя.

Я вздрогнула.

– Даже миряя? – переспросила удивленно.

Всем известно, что наги – одна из самых невосприимчивых к ядам рас. Их печень способна переварить все что угодно. От отравы до лекарства. Великие змеи ядовиты от природы, и другие яды почти не имеют над ними силы.

Астариен кивнул.

– В этом нет ничего особенного, – добавил мастер вопреки моему удивлению. – Белая королева – не единственное растение, которое способно убить миря, несмотря на то что подобных трав очень немного. Однако главное в том, что яд белой королевы почти невозможно обнаружить в теле жертвы. Если убить миря с помощью него, доказать насильственную смерть сможет только настоящий профессионал. Со стороны все будет выглядеть как случайность.

– То есть... если убить таким образом, например, царя, то никто и не узнает? – ахнула я, а потом поняла, насколько двусмысленным оказался мой вопрос.

Астариен повернул голову, посмотрел мне прямо в глаза, и даже через сумрак разделяющего нас помещения я почувствовала, что его внимание пронзает меня насквозь.

– Именно так, – негромко ответил он, а я поежилась под пледом, пытаюсь укутаться сильнее. словно шерстяная ткань могла защитить меня от настойчивого изучения мастера.

Мокрые волосы упали вперед, и я убрала их. Холодные капли скатывались по горячему лицу и, кажется, таяли, превращаясь в пар. А иногда затекали под одежду, заставляя вздрагивать. Все это совершенно не беспокоило, пока мастеру не вздумалось глядеть на меня не отрываясь. Сейчас же я вдруг ощутила себя только что выловленной рыбешкой, брошенной на раскаленную сковородку.

Вот кто меня за язык тянул?..

Впрочем, очередное подозрение, читающееся в глазах Багрового змея, даже немного разозлило.

– Тогда зачем вы хотите заставить меня готовить яд из белой королевы, если он может быть столь опасен? – спросила я, не выдержав. – Разве это логично?

Я набрала полные легкие воздуха и прямо посмотрела на застывшего у лабораторного стола мужчину. И выдержала его взгляд, не отводя глаз. В голове же пульсировало лишь одно: накажет за дерзость или нет?..

Астариен едва заметно приподнял бровь и только затем ответил, развернувшись ко мне всем телом:

– Потому что, приготовив этот яд, ты должна запомнить все нюансы его запаха. От начала приготовления и до самого конца. Если состав будет замешан неверно, ты поймешь, как пахнет некачественный яд. Многие злоумышленники и приверженцы темных культов не способны приготовить отраву правильно, и результат их действий тоже имеет совершенно конкретный запах. В любом случае этот урок научит тебя обращаться с белой королевой, а это знание ты не получишь больше нигде. Надеюсь, теперь ясно, гематит Шиарис?

Я все так же смотрела на мастера, а он – на меня. И мы оба не отводили глаз. Теперь казалось даже, что это какая-то извращенная игра, в которой кто-то обязательно должен проиграть. Вот только в чем заключались правила?

– Хорошо, – кивнула я, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица. – Получается, что для понимания вашего урока не имеет значения, будет яд приготовлен верно или нет?

Кажется, Астариен чуть ухмыльнулся, но в темноте можно было и ошибиться. Он приподнял голову перед тем, как ответил:

– Все верно. Для понимания моего урока это не будет иметь значения.

Я уже успела обрадоваться, что сегодняшнее задание, похоже, не слишком сложное. Действительно, разве трудно приготовить что-то неправильно? Однако радость была недолгой, потому что мастер добавил:

– Неважно, верно или нет будет приготовлен яд, это все равно станет хорошим опытом для тебя. Вот только если ты провалишься, будешь применять свой опыт разве что в теории, когда вернешься в свою провинцию.

– Что? Вы опять собираетесь меня выгнать? – ахнула я, не поверив своим ушам. Ну сколько уже можно?

– Я ничего не собираюсь, Фиана, – жестко отрезал льесмирай. – Наш договор остается в силе. Я помогаю до тех пор, пока ты справляешься с моими заданиями.

– Да какая же это помощь, если вы заставляете меня делать то, на что человек не способен? Может быть, вы нарочно хотите, чтобы я поскорее исчезла из академии? Ведь я уже поняла, что без вашего яда мое обоняние останется на прежнем уровне! – воскликнула я, впадая в легкое отчаяние. – Для чего тогда вообще нужны эти занятия? Чтобы наглядно показать, насколько я бесполезна? Так укусите меня снова, чтобы я целиком прочувствовала разницу!

От возмущения и беспомощности я развела руками, и плед упал на пол. Мокрые волосы растрепались по плечам и скользнули в разрез лабораторной мантии. А потом до меня вдруг дошло, что мгновение назад я предложила мастеру в качестве шутки еще раз меня куснуть. При этом у меня в голове это не звучало настолько бесстыдно, насколько получилось в реальности.

Краска ударила в лицо, а мне стало так жарко, что даже распахнутые окна не спасали. И даже во мраке было заметно, как изменился взгляд Багрового змея, став резким и немного хищным. Несколько секунд он смотрел на меня и молчал, и только его широкая грудная клетка поднималась и опускалась чуть чаще обычного. А челюсти были плотно сжаты.

– Надеюсь, ты выговоришься, – наконец ответил он низким ядовитым голосом. А затем протянул руку за металлический купол с цветком и достал оттуда связку маленьких флаконов, держа их на одном указательном пальце. Они были полностью прозрачны, а внутри плескалась белоснежная опалесцирующая жидкость, напоминающая текучий жемчуг. По спине прокатилась волна мурашек, когда я начала догадываться о том, что это.

– Это очищенный мирин, – подтвердил мои предположения Астариен. – Он не ядовит и не имеет свойств афродизиака. Поэтому я не стану кусать тебя, гематит Шиарис, – добавил он, слегка скривившись, словно само предположение подобного исхода событий вызывало у него отвращение.

А мне словно кто-то в сердце кинжал вонзил.

– Ты получишь всю связку, если сегодня справишься с заданием. У тебя не будет никаких проблем с тем, чтобы находиться на одном уровне с остальными академиками. Более того, твое обоняние станет даже сильнее, чем у большинства мильеров. Нужно лишь заслужить эту награду, гематит Шиарис.

Сердце подскочило к горлу и там и застряло. Всего один флакон яда мираев стоил бешеных денег, а Астариен предлагал мне целую связку! Я могла продать ее и несколько лет жить, вовсе не думая о деньгах.

Вот только я никогда не сделала бы ничего подобного. Потому что с этим ядом я могла окончить обучение в самоцветах, не боясь стать слабейшей. Не боясь, что меня отчислят с позором, как простого человека, не способного сравниться ни с мильерами, ни с мираями...

– Я согласна! – выпалила я, даже не успев сообразить, что говорю это.

– Я и не сомневался, – еле слышно буркнул мастер, уже отвернувшись от меня и двигаясь к окну на своем огромном багрово-алом хвосте. Быстро захлопнул створки и вернулся, чтобы одним движением снять защитный колпак со стола.

И моему взгляду предстал огромный беловато-голубой бутон размером с апельсин. Мастер бросил короткий взгляд на механические часы, висящие на противоположной стене, а затем вновь посмотрел на цветок.

– Очень вовремя ты закончила истерику, – проговорил он с привычным легким превосходством и высокомерием.

Сразу захотелось подойти поближе и стереть это наглое выражение с его красивого лица. Вот только тогда я бы его, скорее всего, поцеловала, поэтому предпочла остаться на месте.

– Королева начинает цвести.

Крупные лепестки бутона дрогнули, раскрываясь буквально на глазах и являя нам с мастером белоснежную, даже словно чуть светящуюся во тьме сердцевину.

Я затаила дыхание, неожиданно поражаясь тому, что происходило совсем рядом. Никогда бы не подумала, что цветение обычного растения может быть настолько прекрасным!

Крупные лепестки зашевелились, словно белая королева была маленьким зверем, а вовсе не цветком. И как только они полностью распахнулись, прямо из бутона полился легкий, едва заметный аромат, который я смогла почувствовать только потому, что стояла в непосредственной близости от сердцевины.

– Сейчас нужно аккуратно отделить три лепестка таким образом, чтобы как можно меньше взаимодействовать с ароматом, – проговорил Астариен, сосредоточенно и серьезно глядя на меня. Густые брови оказались чуть сдвинуты. – Запах белой королевы очень быстро вьедается в кожу и волосы, поэтому я не советую тебе долго находиться возле бутона.

– Да он же...

«...едва ощущается», – чуть не сказала я, но в последний момент прикусила язык.

Как, гессайлах его заberi, я смогу оторвать лепестки от цветка, не находясь с ним рядом?

Сразу после слов мастера я отшатнулась от растения, стараясь в точности выполнять все указания. Скользнула взглядом по столу и заметила лежащие там щипчики, небольшие ножнички с тонкими носами, гладкую каменную чашу с пестиком и перчатки.

Перчатки.

Ну конечно.

Быстро сунув в них пальцы, я взяла щипчики и ножницы, набрала в легкие побольше воздуха и, задержав дыхание, аккуратно приблизилась к растению. Пара движений – и в чашу упало ровно три белых лепестка. После этого я быстро сделала два шага назад и убрала руки за спину, выжидаяще глядя на мастера. Сердце билось так быстро, словно я не лабораторную работу сдавала, а дралась с мастером Гроаром. Даже, наверно, еще быстрее.

Лицо Багрового змея выглядело бесстрастным и пустым. Прочитать по нему хоть что-нибудь не представлялось возможным.

– Теперь один лепесток положи в огненную воду, один – в оливковое масло, а последний разотри, смешав с десятью каплями настойки на нейтрализованном яде скорпиона, – скорее командовал, чем пояснял мастер. Одной рукой он накрыл цветок куполом, а второй указал мне на десяток бутылочек справа от себя. Ни на одном из них не было этикеток с надписями.

– Эта настойка обладает способностью консервировать органические токсины, – продолжал он совершенно спокойно. – С ее помощью создается большинство известных ядов, хотя сама по себе она не представляет опасности. Кроме того, она не имеет вкуса и запаха. Почти.

Я открыла рот, уже почти готовая спросить, как выполнить его задание. Ведь десять бутылочек не имели этикеток, и среди них была лишь одна нужная. Не имеющая запаха.

Почти.

Ну конечно.

Не глядя на мастера, я отыскала глазами масло в пузатой бутылочке, затем чуть дальше на столе обнаружила огненную воду в аналогичном сосуде. Ни на одном из них, кстати, тоже не было этикеток. Ну уж с этим справиться было несложно!

Быстро откупорив пробки, я затолкала пинцетом по лепестку внутрь бутылочек и снова закрыла. Оставалось понять, как найти скорпионью настойку. В висках громко стучало. Я стиснула зубы, пытаясь сообразить несообразимое.

Ну как я должна это сделать?..

Небольшие сосуды перед мастером отличались лишь по цвету.

– Нейтрализованная настойка на яде скорпиона отдаленно схожа с запахом пропаренного черного риса, – продолжал Астариен, не сводя с меня острого взгляда, который хотелось сбросить с себя, как тяжелый груз. Как невидимые змеиные кольца, которые то ли душат, то ли хотят чего-то большего. – Именно поэтому ее так любят отравители, алхимики и мастера

ядов. При добавлении в пищу подобное вещество нисколько не портит вкус. Напротив, делает блюдо еще более аппетитным.

Когда я наконец решилась шагнуть к мастеру, у меня уже от напряжения кружилась голова.

Астариен не шевельнулся, продолжая невозмутимо стоять возле бутылков. Теперь я находилась от него так близко, что это совершенно сбивало с толку. Краем глаза я видела мощную напряженную фигуру мирая и невольно то и дело отвлекалась. А еще я все время ощущала на себе его взгляд.

Стиснув зубы, я взяла себя в руки и начала по очереди нюхать каждый бутылек. И...

– Они все пахнут рисом! – едва закончив изучать все десять флаконов, воскликнула в ужасе, взглянув на мастера.

Почудилось, что на губах Багрового змея мелькнула усмешка.

– Чем же еще должны пахнуть рисовые настойки? – спросил он, изящно изогнув бровь.

Вот тогда я поняла, что он действительно надо мной издевается.

Я сжала губы, из последних сил сдерживаясь, чтобы не сказать какую-нибудь гадость. Все внутри вспыхнуло.

– Перед тобой девять настоек на разных сортах риса, – добавил мастер, внимательно глядя на меня. – На белом, красном, длиннозерном, среднезерном, мелкозерном, коричневом, диком, жасминовом и, естественно, черном. Десятый бутылек содержит жидкость, которая нужна тебе. Соответственно, твоя задача – обнаружить среди всех настоек ту, что на черном рисе. И уже затем – ту, которая на нее больше всего похожа. Она-то и будет нейтрализованной настойкой на яде скорпиона.

– Да я никогда в жизни не смогу это сделать! – воскликнула я, едва не обхватив лицо ладонями и только в последний момент вспоминая, что на мне, вообще-то, перчатки, на которых могли остаться следы отравленных лепестков.

Безысходность и холодное разочарование сковали сердце жесткими цепями. А насмешка в багровом взгляде Астариена еще сильнее заставляла кипеть что-то под самым желудком. Он знал, что я не смогу выполнить его задание! Да ни один человек не смог бы. Только вот сдаваться – это не для меня. Или я не Фиана Шиарис.

Но есть ли у меня выход?

– Мастер... – неторопливо проговорила я, не поднимая на него глаз. Затем отрывисто втянула воздух сквозь плотно сжатые зубы и все-таки призналась: – Моего собственного обоняния не хватит, чтобы выполнить ваше задание. Вы не могли бы...

– Что? – оборвал меня змей с едва заметной ядовитой усмешкой в голосе. – Может, опять укусить тебя?

– Нет! – воскликнула я, краснея, как переспевший гранат. От этого предложения стало стыдно и как-то жарко. – Просто позвольте мне взять одну из бутылочек с мирингом, ведь вы все равно приготовили их для меня...

Я указала на связку, которая стояла недалеко от мастера на столе. Флакончики были прозрачными и маленькими, а внутри них призывно опалесцировала баснословно дорогая жидкость, которая обещала решить все мои проблемы. Хотя бы временно.

– И не подумай, – жестко ответил Астариен, сложив руки на груди, отчего мышцы на его бицепсах натянулись и стали казаться еще крупнее. – Связку ты еще не заслужила и получишь ее, только если выполнишь задание. А на это ты, как я погляжу, не способна.

Его голос был холоден и хлестал не хуже зимней вьюги, бьющей по лицу осколками снежного дождя.

Говорить, что мне было обидно, я не буду. Зато стало кристально ясно, что мастер ядов нарочно поставил меня в положение, из которого нет выхода.

– Но какой в этом смысл? – прошептала я, вглядываясь в жестокие алые глаза. – Что это за издевательство?..

– Ничто в жизни не дается легко, – холодно ответил змей, не сводя с меня совершенно бесчувственного взгляда. – За все надо платить. И тебе стоит это запомнить.

Горечь обиды заполнила меня почти целиком. Возможно, мастер хотел, чтобы я самостоятельно отказалась от обучения. Признала свое поражение. А он при этом словно бы выполнил свое обещание помогать. Ведь это я сама бы провалилась! Сама все испортила... А он не имел бы к этому ни малейшего отношения. Хитро придумал. Как и положено Великому змею.

Вот только он еще не знает, на кого напоролся!

У меня всего одно преимущество перед большинством людей – мои тренировки. Я быстрее и сильнее. Более ловкая. Возможно, моей скорости и не хватило в той единственной схватке с Багровым змеем, которая однажды случилась по моей глупости и вспыльчивости, но это послужило достаточным опытом, чтобы не нападать на мастера ядов вновь. Однако прямо сейчас я и не планировала нападать.

Только быть чуточку быстрее.

Мне нужно всего лишь обогнать его на долю секунды...

Поэтому, когда в следующий миг я сделала рывок к склянкам с мирингом, оставалось только надеяться, что мне поможет эффект неожиданности.

Так и вышло! Схватив бутылек, я отскочила от мастера, на ходу откупоривая пробку и прикасаясь губами к горлышку.

– Не вздумай! – послышался за спиной грозный голос, а в следующий миг жесткая рука вырвала у меня опустевшую на треть стеклянную бутылочку.

Но было уже поздно, потому что крупный глоток мирайского яда сладковатой отравой скользнул в горло, обволакивая разум и полностью изменяя чувства.

Астариен отставил флакон и обхватил меня ладонью за горло, с напряженным раздражением вглядываясь в глаза.

Очень вовремя. Потому что ноги подогнулись, едва яд достиг желудка. На короткое мгновение меня скрутило так сильно, что я едва могла вдохнуть. А потом из того же самого места, где оказался мирин, по всему телу начал расходиться нестерпимый огонь.

Я взглянула на мастера и судорожно выдохнула, в очередной раз замечая, насколько он красив. Насколько мне хочется, чтобы он был рядом. И наблюдая, как полыхают его ало-золотые глаза. Словно звезды перед апокалипсисом...

Щеки вспыхнули, сердце застучало в горле, в том самом горле, которое он сжимал пальцами.

– Какого хекша ты творишь, гематит Шиарис? – прошипел мастер, и внутри его глаз звилась черная лезвия, увеличиваясь и заостряясь. А затем он словно перестал дышать. – Да быть этого не может...

Каждая мышца в его теле напряглась и превратилась в камень.

Я не могла понять, что происходит. Сначала подумала, что он злится из-за моего своеволия. Но мастер не сжимал пальцы на моем горле. Не причинял мне ни малейшей боли. Однако взгляд его широко распахнутых глаз с каким-то остервенением скользил по моему пылающему лицу, крылья носа едва заметно яростно вздрагивали, а красивые губы, до которых хотелось дотронуться, сжались в линию.

– Яд опять подействовал... неверно, – ошарашенно проговорил он, словно не верил себе.

Затем надавил большим пальцем на мою челюсть, заставив меня повернуть голову набок, резко наклонился и, коснувшись носом моей щеки, втянул воздух у самого уха. В основании шеи.

От его прикосновений позвоночник будто пронзила молния. Затем снова и снова.

В голове затуманилось.

А еще – теперь я чувствовала его запах...

Пряное и сладкое безумие дубового мха, меда и полыни. Дикий и хищный аромат с нотками лесной горечи, вливающийся в горло, как настойка «Зеленый змей». Как убийца, толкающий в самое пекло. Только от него не хотелось спасаться, наоборот. Хотелось ощутить его сильнее. Вдохнуть, выпить, броситься в пропасть.

Быстрее.

Горячее...

Я стиснула зубы и закрыла глаза, задыхаясь в жаре тела Багрового змея, чувствуя себя утопленницей, которая не хочет всплывать на поверхность. Лишь бы смертоносные воды продолжали окутывать тело, лишь бы руки-волны касались, ласкали кожу, лишь бы дыхание-бриз обдувало раненую душу.

– Этого просто не может быть, – выдохнул Астариен совсем рядом с моим ухом, дразня горячим воздухом, срывающимся с его губ. – Мирин был полностью очищен. Я сам проверял его... О, хекш, прошу простить, гематит Шиарис, – добавил он, так резко убирая руки, словно своими прикосновениями меня убивал.

Впрочем, может, частично так оно и было.

Астариен отшатнулся от меня, как от прокаженной, пытаясь скользнуть назад на своем огромном хвосте, и едва не сбил на пол купол с белой королевой. Один из стульев, стоящих поблизости, все же упал с оглушающим грохотом.

Мастер выглядел пораженным и потерявшим контроль.

Впрочем, от этого не легче.

– Все в порядке, – проговорила я, чувствуя, как от стыда мне становится еще жарче. Оттого, что он почувствовал все то, что творилось у меня внутри от его яда.

Все то же самое, что было после его укуса.

Вот только теперь я прекрасно понимала, что ничего нового со мной не происходит. Я уже не была шокирована, потому что не ощутила чего-то особенного – лишь мои собственные желания взметнулись на нестерпимую высоту. Будто прежде у меня работали мозги, а сейчас перестали. Наверно, так мог чувствовать себя человек, живущий только инстинктами. Лишенный надстроек разума. Но в любом случае все эти инстинкты были моими собственными. Я уже не заблуждалась на этот счет, а потому и не считала, что происходит нечто ужасное.

В отличие от мастера.

– Я дам тебе противоядие, подожди минуту, – отрывисто проговорил он, дернувшись к стене, где стоял высокий шкаф со склянками.

По дороге его мощный хвост сбил еще один деревянный стул, но змей не обратил на это ни малейшего внимания и вовсе раздавив его в пыль.

– Не надо! – резко крикнула я, выпрямляясь и стараясь дышать ровно.

Это было непросто. Мне было слишком жарко, настолько, что хотелось ногтями разорвать лабораторную мантию. Но я не сняла даже пледа, которым мастер меня обернул. Все должно было выглядеть так, словно ничего особенного не происходит.

– Я не стану ничего больше принимать, мирин подействовал, я прекрасно чувствую запахи, – постаралась говорить так ровно, как могла. Голос почти не сбился.

– Мирин подействовал *неправильно*, – с нажимом на последнем слове низко ответил Астариен, не сводя с меня горящего взгляда.

Его грудная клетка поднималась и опускалась значительно быстрее обычного. А скользнув взглядом по его застывшей в неподвижности фигуре, я заметила увеличившиеся вены на руках и сжатые в кулаки ладони...

– Он подействовал нормально, остальное не ваше дело! – резко оборвала я, стараясь не срываться в истерику, несмотря на то что меня сжигал жуткий стыд.

Не от того, что я чувствовала. Нет.

Оттого, что Багровый змей о моих чувствах *знал*.

– И нечего смотреть на меня как на умирающую! Я здорова и у меня все замечательно!

Пусть думает, что ошибся.

Пусть думает что хочет...

Я отвернулась от мастера, продолжая ощущать на себе его тяжелый взгляд и видеть краем глаза неподвижную фигуру мирая. Сгорая от одной мысли, что пару мгновений назад его руки были на мне...

Я постаралась сосредоточиться, но это было слишком сложно. Мрак и демоны подземелий, это было просто невозможно! Особенно когда я понимала, что Астариен на волоске от того, чтобы запретить мне прикасаться к его настойкам и реагентам.

– Как мне выполнить ваше задание? – судорожно выдохнула я, пытаюсь привыкнуть к растущему в груди безумию. К пульсации крови в ушах, в венах, где-то под желудком и между бедер. К настойчивому желанию перестать думать. Бросить все и сконцентрироваться только на одной мысли... На собственном голоде.

– Это ты решишь сама, – ответил мастер ядов неожиданно холодно.

С легкой дрожью я осознала, что он злится. Страшно злится.

На меня.

– И не забывай, – добавил он будто нарочно, – если ты провалишься, я действительно добьюсь твоего исключения.

В этот момент я словно взглянула на происходящее со стороны. Я уже была не совсем я, мне будто было все равно, что происходит вокруг. Наплевать на все то, что меня мучило еще совсем недавно. Даже стыд уходил на второй план, выпуская на первый инстинкты. Именно поэтому, судя по всему, я и смогла оценить слова Астариена совсем с другого угла.

«Если ты провалишься, я добьюсь твоего исключения...»

А сознание словно озарилось вспышкой: *«Он лжет...»*

Слишком натужно и ненатурально прозвучали эти слова сразу после того, как он едва не разрушил половину лабораторной мебели, пытаясь достать антидот. Как правило, люди не пытаются морально добить умирающего, а Астариен явно приравнивал меня к кому-то из того же разряда.

Поэтому он лгал.

Я поняла это кристально ясно, вот только осознать, почему так происходит, уже не могла.

– За что вы так меня ненавидите? – спросила я глухо.

– Ненавижу? – переспросил мастер, широко раскрыв темно-алые сейчас глаза. – Ну что ты. Я просто не желаю заниматься со студентками, от которых не будет толку. Которые ищут только легкий путь. То, что делаешь ты, любая нагния способна повернуть с закрытыми глазами! – почти прорывал он, пытаясь найти место собственным рукам. Они то в ярости взлетали в воздух, то зарывались в его длинных черных волосах, взъерошивали их и заставляли поблескивать ограненные бусины. – Но ты человек. И стоит кому-то пожелать убить тебя с помощью любого из ядов, представленных в этой комнате, ты этого даже не заметишь!

Он выдохнул это, словно подписывал мне приговор.

– Значит, у меня нет вариантов, верно? – прошептала я голосом узницы, приготовившейся к смерти. Узницы, которой уже все равно. – Ведь даже если я заслужу связку мирина, то не смогу принимать его вечно. Глухому лютнисту не сыграть баллады!

Астариен смотрел на меня так долго, что я уже отчаялась услышать ответ. Но он все же сказал, словно преодолевая сам себя:

– Хотел бы я ответить, что ты права. Чтобы ты наконец убралась из самоцветов и никогда больше не пила отраву мираев...

Кончики пальцев похолодели от его жестоких слов. Но одновременно я почувствовала, что между строк Астариен прячет какую-то правду, которую прежде не собирался говорить.

– Но к сожалению, гематит Шиарис, – напряженно сказал он, – талантливый лютнист способен сыграть и вовсе не имея ушей, ориентируясь на внутренний слух и память. А при регулярном приеме яд мирая способен развить твое обоняние.

– Что? – ахнула я, решив, что мне послышалось.

– Это мои собственные наблюдения, – пожал он плечами. – Официальной науке они неизвестны. Поэтому я надеюсь, что ты оставишь эту информацию лишь для себя.

– Я... да. Конечно... – сбивчиво проговорила я.

По всему выходило, что мастер собирался подарить мне не просто связку с ядом, благодаря которому я смогла бы учиться дальше, как и другие академисты. Он предлагал мне то, что навсегда изменило бы меня.

– Поэтому, если наши лекции будут идти в подобном ключе, – продолжил он, – к концу года по обонянию ты встанешь на один уровень с нелюдьми. Не с мираями, – покачал он головой. – Но с мильерами – да.

– Но почему вы не хотите, чтобы об этом узнали все?

Астариен бросил на меня короткий острый взгляд, словно я вновь попала в цель своим вопросом.

– Потому что очищенный мирин – очень большая редкость, – ответил он. – А неочищенный дает побочный эффект, который как раз широко известен.

– Какой? – хрипло спросила я, чувствуя, как за шиворот будто высыпали ведро ледяной крошки.

– Привязанность. Очарование. Помешательство, – бесцветно начал перечислять он, внимательно глядя на меня. – Любовь. Можно называть как угодно.

Что-то внутри меня упало со звонким треском.

– Какая привязанность? – прошептала я, в очередной раз ощутив с трудом сдерживаемое желание шагнуть навстречу к льесмираю. Прикоснуться к нему. Втянуть его умопомрачительный запах. – Например, моя привязанность к... вам?

Не знаю, как мне хватило смелости вообще произнести эти слова в одном предложении. Наверно, все дело в том, что я уже не слишком хорошо соображала.

– Да, – вопреки моим надеждам ответил Астариен.

Он продолжал не моргая смотреть на меня... Словно боялся пропустить мою реакцию.

Реакцию... Но я понятия не имела, что можно на это ответить.

– Так... что ж вы раньше не сказали? – наконец выдохнула я, окончательно запутываясь.

– Потому что планировалось, что очищенный яд не подействует на тебя как афродизиак. Все должно было пройти штатно. И тогда ни о каких побочных эффектах не шло бы и речи. – Он раздраженно взмахнул рукой. – Именно поэтому ты и должна принять антидот.

– Нет! – воскликнула я раньше, чем сообразила, чем мне это грозит. Но стоило признать, что я вообще не была готова отказаться от возможности учиться дальше. Мне просто нужно немного подумать. Самую малость.

– И как быстро наступает такой... побочный эффект? – спросила я, стараясь просчитать все варианты. Сколько у меня было времени.

Голова соображала с трудом, потому что казалось, что побочный эффект уже активизировался. Причем с первого же дня, когда мастер меня укусил. С того самого часа, после которого я не нахожу себе места, совершенно потеряв покой.

– Имеет значение лишь длительный прием, – ответил Астариен, чем, признаться, сильно меня обрадовал. – Как правило – больше года. Кроме того, с побочным эффектом можно бороться... Но для тебя это неважно! – вдруг добавил он, и его хвост резко дернулся, сверкнув багрово-золотыми кольцами. – Потому что я не позволю тебе принимать мирин, раз он так на тебя влияет. Рисковать и изучать на тебе дополнительные эффекты мы не будем.

– Со мной все хорошо, – сквозь зубы проговорила я.

– Я чувствую твой запах, Фиана! – почти прорычал змей, заставив меня вздрогнуть. – И с тобой не все хорошо!

Удушливо-горячая волна прокатилась по желудку куда-то вниз.

– Пусть это вас не беспокоит, мастер, – ответила я настолько ровно и твердо, насколько могла. – Я продолжу обучение, чего бы это мне ни стоило. Раз у меня есть как минимум год, то беспокоиться не о чем, верно? И я не хочу больше слышать о том, что за запахи вы там чувствуете или думаете, что чувствуете. Итак, как мне выполнить ваше задание?

Астариен сжал челюсти так сильно, что мне показалось, будто я слышу скрип его зубов.

– Можешь попробовать решить это самостоятельно, – ответил он таким колючим морозным голосом, что впору было замерзнуть. – Я ценю смелость.

И на плотно сжатых губах мелькнула и исчезла жестокая усмешка.

Я его разозлила. Опять. И что самое интересное, даже такой яростный и ядовитый, он продолжал мне нравиться. Неужели теперь всегда так будет?

Шагнув к рисовым настойкам, я быстро поднесла каждый флакон к лицу и несколько раз махнула ладонью над горлышком, чтобы запах достиг носа не в концентрированном виде, а хорошенько смешавшись с воздухом. Нужно было уделить все внимание заданию и больше не думать о Багровом змее, несмотря на то что после сказанного это казалось совершенно невозможным.

Хотела бы я сказать, что сразу поняла, какая из склянок верная. В какой находится скорпионовая настойка, а не рисовая. Но, к сожалению, это все еще было непосильной задачей. Скорее всего, мастер ядов не знал, что за свою жизнь я не ела никакого другого риса, кроме простого, мелкозерного. Он был самым дешевым и в пятнадцатой провинции продавался на каждом шагу. Остальные же сорта, из которых часто готовились традиционные блюда мираев, я не пробовала никогда. Поэтому и определить, какой из запахов принадлежит черному сорту, для меня было нереально.

Оставалось лишь гадать.

Несколько раз я прошлась по ряду флаконов, пока наконец не нашла два, которые пахли максимально похоже. У остальных в запахах улавливались некоторые нюансы, но эти были почти идентичны.

– Теперь нужно понять, какой из них действительно на рисе, – пробубнила я себе под нос, на миг отвлекаясь от мыслей о Багровом змее, его мускулистой фигуре, укрытой тьмой, и о его жестких губах, сжатых в линию.

Жидкости в обоих флаконах были полупрозрачными, лишь немного различаясь в оттенке. Левая – зеленоватая, правая – голубоватая. Словно их нарочно кто-то раскрасил, чтобы сбить меня со следа.

Впрочем, я подозревала, что так оно и было. Сам рис никогда не дал бы подобного цвета. Однако стоило приглядеться повнимательнее, как я заметила, что содержимое правой склянки оказалось чуть более вязким, чем в левой. Совсем немного, но если потрясти бутылочку, на стенках оставался легкий беловатый налет. С первой, зеленоватой, настойкой такого не происходило.

Приняв решение, я убрала ее, оставив только флакон с голубоватой жижей, быстро схватила лепесток белой королевы и бросила внутрь, вернув пробку на место.

– Готово, – ответила я, неожиданно замечая, каким хриплым и странно мягким стал голос.

Взглянув на Астариена, вздрогнула, успев за последние несколько минут отвыкнуть от ощущения его напряженного взгляда.

Под мантию словно просыпались раскаленные искры, пощипывая кожу, нервирова и снова поднимая градус в помещении до нестерпимо высокого. Хотя куда уж выше. Меня и так потряхивало от близости мастера, и только занятие помогало немного отвлечься. В глубине души я

уже признала, что побочный эффект мирина начал сказываться на моем разуме, и смирилась с этим.

– Верно, – негромко проговорил льесмирай, так и оставаясь на другом конце комнаты, возле шкафа с ингредиентами.

Несколько мгновений он молчал, словно не знал, что делать дальше. Просто смотрел на меня с какой-то нечитаемой мыслью, скользящей в багровых глазах. Может быть, решал, выгнать меня или оставить. Ведь я выполнила его задание нечестным путем, да и сама была словно взрывное заклятие, отложенное на время. Кто знает, когда разнесет все вокруг?

Я очень не хотела уходить и не хотела, чтобы он отчислял меня, забирая дарованный шанс назад. Была в ужасе от мысли, что все усилия напрасны. А яд, что растворился в моей крови и заставлял грезить только о мастере, – тоже зря. Это так ужасно, когда единственный мужчина, о котором ты способна думать, может сломать твою жизнь! И может быть, уже планирует это сделать...

Я закрыла глаза, упершись руками в стол и сжав столешницу. Кажется, слишком сильно. Пальцы даже чуточку похолодели.

– А теперь возьми чашу для смешивания и делай то, что я буду говорить, – наконец раздался тихий, словно уставший голос льесмирая.

Но для меня он прозвучал музыкой, трелью дождя по иссушенной, растрескавшейся земле.

Он не собирался меня выгонять.

В следующие двадцать минут я трясущимися руками выполняла каждое указание Багрового змея, лишь изредка отвлекаясь на его тень, то и дело мелькающую возле окна. Я не должна была ошибиться. Ведь если я сделаю это даже с мирином в организме, значит, мастер прав и я совершенно бездарна. Страх ошибки, смешанный с жаром, что продолжал курсировать по венам, поднимал градус напряжения до совершенно нового уровня. До такого, на котором мне никогда не хотелось бы оказаться.

Но я уже была там.

Ближе к концу занятия, когда передо мной стояла почти готовая ядовитая субстанция, я начала чувствовать себя слишком плохо. Возможно, если бы после приема мирина я оказалась у себя в кровати и спокойно отдыхала, раздумывая о том, насколько мягкими были губы мастера Астариена, все ограничилось бы легким неудобством, которое пропало бы к утру. Но сейчас каждую мышцу скрутило от беспокойства, под желудком кольцами свился страх, а взгляд Багрового змея жег кожу.

Я хотела повернуться к нему, что-то сказать. И в то же время не хотела. Хотела, чтобы все это прекратилось, и наоборот, не заканчивалось никогда, потому что мастер был рядом. Сейчас он был неподалеку, и одно это доставляло мне болезненное отравленное удовольствие.

А потом Астариен и впрямь оказался за моей спиной.

– Сейчас заготовку придется нагреть, – проговорил он неожиданно совсем близко.

Я едва не подпрыгнула, осознав, что мирай находится от меня на расстоянии вытянутой руки, хотя еще мгновение назад, кажется, был на другом конце помещения.

Он выскользнул из-за моего плеча, подойдя к столу, пододвинул откуда-то взявшуюся горелку и просто протянул к ней ладонь. В тот же миг с нее сорвалось оранжево-желтое пламя, поджигая фитиль. Огонь осветил кожу мастера, играя бликами на кончиках пальцев, на изгибах мышц и отражаясь в отчего-то потемневших бездонных глазах.

Он был таким красивым в этот момент, что я забыла, как дышать, вглядываясь в его сосредоточенное, чуть напряженное лицо. И когда Астариен вдруг перевел взгляд на меня, все внутри оборвалось. Я чувствовала, что падаю, хотя стояла на месте. Чувствовала, что умираю, хотя сердце, наоборот, стало биться в два раза быстрее, а кровь в жилах закипела.

В этот миг в багрово-алом взгляде проскользнуло что-то болезненное. Я поняла, что мастер заметил мою реакцию... И теперь готов просто уйти.

– Ставь чашу на огонь, гематит Шиарис, – вздохнув, проговорил он, и его взгляд начал ускользать, теряться во тьме, в которой я могла уже никогда его не найти.

Не знаю, как так вышло, но я вдруг схватила его за руку и крепко сжала. Как последнюю надежду на спасение. А когда он вновь повернулся, взглянув на мою кисть на собственном запястье, а потом снова на меня, во мне что-то лопнуло.

Я приподнялась на мысочках и поцеловала его. Поцеловала, надеясь сразу после этого умереть.

Его губы были именно такими, какими я их запомнила. Мягкими, пьяняще-сладкими, десятикратно умножающими безумие. Если секунду назад я просто шагала к бездне, то сейчас уже стремительно летела туда, ладонями касаясь безупречно выбритого мужского подбородка, зарываясь пальцами в распущенные черные волосы, украшенные драгоценными бусинами.

– Гематит... Фиана... – сбиваясь, еле слышно выдохнул змей, когда наши губы на миг рассоединились.

Я целовала его несмело и неуверенно, но так жадно, словно от этого зависело мое дыхание. И больше всего на свете боялась, что он меня оттолкнет.

А что еще он мог сделать? С глупой академисткой, которая сама себя отравила, а теперь лезла со своими неуместными поцелуями, подтверждая каждое его слово о побочных реакциях?

Но мастер не отталкивал, хотя и не отвечал на поцелуй так, как – я знала – он мог.

Я знала.

Его губы едва заметно шевелились в ответ, приоткрываясь навстречу так, словно он то ли хотел что-то сказать, то ли не мог решиться на что-то.

– Фиана, – выдохнул Астариен и вдруг закрыл глаза, обхватив мою талию. Не подпуская меня к себе, но и не отодвигая на безопасное расстояние, *как следовало бы*.

Мне казалось, что я сгораю заживо.

Если прежде у меня еще был шанс остановиться, то теперь – уже нет. Пусть это всего лишь яд, развязавший мне руки, затуманивший голову и заставивший делать то, на что я никогда не решилась бы в обычной жизни. Главное, что благодаря ему у меня хватило смелости сделать то, что я видела в каждом своем безумном и болезненном сне багрово-алого цвета.

А мастер ядов... наконец-то звал меня по имени.

– Фиана, тебе не стоит... это всего лишь... – вырывалось из его горла, пока я исступленно целовала его, прикусывая губы, поглаживая кожу, не веря, что делаю это, не зная, насколько безумной могу быть. А потом проникла языком в его рот, углубляя поцелуй, буквально сводя с ума саму себя.

И как только наши языки соприкоснулись, мастер ядов зарычал. Его пальцы сжались на моей талии, он поднял меня вверх, словно я не весила совершенно ничего, и я инстинктивно обхватила его ногами, так и застыв в воздухе в его руках.

Мастер крепко держал меня одной ладонью, а второй обхватил мои волосы, заставляя запрокинуть голову. Он целовал меня сам, а я больше не делала ничего. Только чувствовала, как его губы терзают меня с жадностью и голодом, которые были так похожи и в то же время так сильно отличались от моих. Со страстью и силой, которых у меня не было. Которые были мне незнакомы, от которых кружилась голова и где-то внутри рождалась сладкая слабость.

Мои руки блуждали по его телу, я плавилась в прикосновениях Багрового змея и больше не боялась даже его огромного хвоста. Мне было так хорошо, что за это чувство я была готова отдать, кажется, все на свете. Огонь, который пару минут назад жег меня до боли, сейчас превратился в нечто пряное и опьяняющее, дарящее эйфорию и восторг. Мои ноги не касались

пола, я была полностью в руках мастера, и это положение дарило будоражащее ощущение его полной власти надо мной.

– Фиана... проклятие, Фиана, – прошептал Астариен, словно не в силах был сказать что-то еще, скользя губами по уголку моего рта и спускаясь вниз по шее поцелуями, которые были больше похожи на укусы. От которых из моего горла то и дело вырывалось хриплое дыхание, похожее на стон.

Я вдыхала его запах, крепко держась за плечи, чувствуя на своей коже его губы, руки, прикосновения хвоста. И с каждой секундой мне хотелось большего.

– Пожалуйста, – отрывисто выдохнула я, едва слыша собственный голос.

Я смутно представляла, о чем просила. Просто чтобы он не останавливался. Не оставлял меня одну.

Снова.

Пожалуйста...

И Астариен замер, тяжело дыша. Будто этим коротким словом я его шокировала. Удала.

Я прикусила губу, чувствуя себя полной дурой. Лучше было молчать. Зачем я вообще открыла рот?..

Астариен застыл, прижавшись ко мне лбом, а уже через секунду обнял, сомкнув руки у меня за спиной, и осторожно опустил. Едва мои ноги коснулись пола, страх, что мастер уйдет, ударил в горло удушливой волной.

– Пожалуйста, не отпускайте меня, – выдохнула я, прижимаясь к его груди щекой, слыша, как быстро бьется его сердце. Оглушительно.

Секунда.

Другая.

Как лезвием по горлу.

Глубже и глубже.

Еще миг – и до артерий.

– Не отпущу, – ответил он еле слышно, – мы просто подойдем с тобой к окну. Там сейчас такое красивое небо...

Передо мной внезапно словно оказался совсем другой змей. Не тот, в чьих глазах горели отблески кровавого заката и переливы самых страшных ядов. Другой, который скрывался где-то внутри, за чертой багряного пламени, сжигающего всех, кто подходит слишком близко.

А я была готова на все, лишь бы он не исчезал. Лишь бы чувствовать его рядом, лишь бы он не прекращал прикасаться ко мне. Иначе мое сердце просто остановилось бы.

Он взял меня за руку и, осторожно, но крепко сжав, медленно двинулся к окну. Словно и правда там могло быть что-то интересное. А когда я пошла за ним, то и дело сглатывая и ощущая в горле безумное биение сердца, Астариен позволил мне приблизиться к подоконнику и резко раскрыв тяжелые шторы.

Лунный свет ударил в лицо ослепляющими серебряными лучами. А еще оказалось, что из лаборатории белены и впрямь открывался просто волшебный вид. В этой комнате было полукруглое окно, обнажающее панораму всей территории самоцветов. И прямо впереди расположилось огромное дерево академического общежития.

Сейчас вокруг было тихо и темно, а тусклый свет, просачивающийся сквозь ночные облака, окрашивал волшебные листья в темно-изумрудный цвет. Дорожки академии были пустынные и тянулись через сады и лужайки, словно бесконечные белоснежные змеи, на каменных спинах которых играли лунные блики.

Здесь и впрямь было на что поглядеть. Затаив дыхание, я смотрела перед собой, пытаюсь сконцентрироваться на том, что вижу. Вот только Багровый змей, медленно приблизившийся ко мне со спины, не позволял этого. Я могла думать только о нем. О его тонком аромате, обво-

лакивающим меня, словно дурман, о жаре, щекочущем кожу, о мощной грудной клетке, что мягко прижалась ко мне сзади...

Я попыталась повернуться, взглянуть на него. Но он не позволил. Накрыл мои руки и сцепил их в кольцо, одновременно обнимая и не разрешая шевельнуться.

Он управлял мной. Как и всегда.

И я могла лишь чувствовать его дыхание в своих волосах, а иногда возле уха, когда он опускал голову.

Я была согласна на это. Лишь бы он оставался рядом.

Пuls в ушах оглушал.

Я откинула голову ему на плечо и закрыла глаза.

Происходящее было уже за гранью добра и зла. Где-то далеко за чертой «хорошо и плохо». Сгорающей на костре отступнице уже неважно, как она смотрится со стороны или насколько эффектное на ней платье. Так и я не думала о том, что делаю что-то ужасное... что прижимаюсь к собственному преподавателю. К мастеру ядов, который, по слухам, отравил своего предшественника, чтобы занять его место. А до этого – всадил ритуальный кинжал в Первого жреца богини Иль-Хайят. Все это было пустым звуком, эхом, отражающимся от моего горящего в агонии разума.

– Ты должна принять противоядие, – снова негромко проговорил Астариен, будто пытался образумить упрямого ребенка.

Глупое сравнение в то время, когда я могла думать лишь о том, как затащить мастера в постель и зацеловать там до смерти.

Или чтобы он зацеловал меня.

– Я не хочу ничего принимать, – прошептала в ответ, чуть поворачивая голову и теперь почти касаясь носом его шеи.

«Я хочу совсем другого...»

Короткое движение вперед – и мои губы скользнули по его коже.

Астариен вздрогнул и резко выдохнул. Его руки поверх моих сжались, еще удачнее фиксируя меня, словно невидимыми цепями.

Он был сильным. Очень сильным.

– Я хочу... – начала было говорить то, что само рвалось из груди.

– Тише, – оборвал он, и его голос стал ниже. Мягче и словно мрачнее.

А затем я почувствовала, как он склонился ко мне и коснулся губами уха. Тихий стон сорвался с губ вместе с выдохом. Горячая волна прошла по телу, обжигая и падая куда-то вниз.

Он опустился ниже, и его дыхание вместе с прикосновением чуть приоткрытых губ обожгло основание шеи. Я сама не заметила, как начала дрожать.

– Не бойся, – прошептал он хрипло. Рвано.

Горячо.

– Я не боюсь, – покачала головой я, едва дыша.

Каждое его прикосновение было как экстаз. Как грохот самой чудовищной грозы, разрывающей небо ослепительными всполохами.

– Я просто хочу, чтобы вы... оставались рядом, – выдавила я, пытаясь заглушить хрип, когда одна его рука отпустила меня и вдруг скользнула к моему животу.

Прошла по мягкой ткани лабораторной мантии, вызывая неконтролируемый отклик во всем теле. Словно его ладонь была магнитом, которая даже сквозь одежду притягивала к себе всю кровь в моем теле. И прямо под ней концентрировалось напряжение, плавно перетекая все ниже и ниже.

– Я никуда не денусь, Фиана, – ответил тихо мастер, едва заметно покачав головой где-то у меня за спиной. – По крайней мере, пока ты не придешь в себя, упрямая девочка...

– Я вполне в порядке, – проговорила я отрывисто, на последнем слове сорвавшись на тихий всхлип.

Рука Астариена нырнула между связанными полами мантии. Горячие пальцы коснулись моей кожи, едва ощутимо лаская, дразня.

Легкие движения, скользящие под тканью будто случайно, сводили с ума.

Одновременно с этим губы мастера снова опустились на самое основание моей шеи. Распахнулись, позволяя горячему языку рисовать огненные рисунки на ставшей слишком чувствительной коже.

А клыкам – едва заметно царапать ее...

Я закрыла глаза, чувствуя, что окончательно пропадаю. Мысли вспыхнули в голове разноцветным фейерверком и исчезли погасшими искрами. Остался только ток крови в ушах, только горячее напряжение, свившееся змеиными кольцами внизу живота, бьющее глухим тиканьем между бедер. Где-то там, внизу, в том самом месте, ближе и ближе к которому становилась рука Багрового змея.

Его пальцы обвели по кругу пупок, а затем скользнули дальше. А я лишь чувствовала, как ускоряется за спиной дыхание Астариена и как жестче становится его тело, прижатое ко мне, словно намертво.

Я не хотела, чтобы он отстранялся. Ни за что и никогда.

Мастер не останавливался. Он продолжал водить пальцами по моей обнаженной коже, касаясь уже тех мест, которые у знатных дам обычно прикрыты нижним бельем. Но я-то ничего подобного не носила. И сейчас, несмотря на неловкость, дрожала всем телом от одного-единственного желания: чтобы он продолжал.

Мне не хватало именно этого...

Горящему в иступлении телу требовались самые бесстыдные ласки, о которых я смущалась даже думать. Но, ощущая их на себе, я понимала, что это именно то, что мне нужно. Поэтому, когда рука мастера легко скользнула между моих ног, я только тихо вскрикнула, тут же ощутив накрывший мой рот поцелуй.

Как же сладко он умел целовать...

Как подземные боги или проклятые демоны. Его язык, собственнически проникающий в меня, ласкающий как разрушительный ураган и самый желанный наркотик одновременно. Входящий в меня так, словно его хозяин жаждал меня не меньше, чем я его. Будто горел так же, как и я... А может, и гораздо хуже.

– Не бойся, – снова выдохнул змей прямо мне в губы, одновременно медленно двигая горячими пальцами по влажному пламени у меня внизу.

Почему я должна бояться? Хеки, я не боюсь, я...

Мысли захлебывались и, едва выплывая на поверхность, снова тонули в безумии, охватившем тело. А пальцы мастера медленно двигались сверху вниз и снова повторяли свой путь, мягко и едва дотрагиваясь до той пульсирующей напряжением вершинки, от прикосновения к которой все внутри у меня сворачивалось и вспыхивало, как лесной пожар от порыва ветра.

Я едва дышала, хватая ртом воздух, чувствуя на своих губах короткие, но при этом жгущие поцелуи мастера. Словно он держался из последних сил, чтобы двигаться медленно. Чтобы не сделать чего-то... чего я так желала.

– Пожалуйста... – выдохнула я, всхлипнув, не соображая, что вообще хотела сказать.

И когда мое дыхание стало чаще, когда начало срываться на стон, словно я вот-вот упаду, как загнанная хищником лань, рука мастера стала двигаться быстрее. Я не понимала, что сейчас произойдет, потому что никогда не чувствовала ничего подобного. Я словно горела изнутри, а напряжение стало почти нестерпимым.

– Мастер, – хрипло застонала я, теряясь в охватывающем тело безумии.

Едва дыша.

– Астариен... – назвала его по имени впервые в жизни.

И едва не потеряла сознание от сдавленного крика, застрявшего где-то в горле в тот самый миг, когда накал ощущений достиг точки невозврата и меня словно разорвало на множество раскаленных, мерцающих от страсти огней.

Казалось, я ослепла или оглохла, а может, все вместе взятое.

Пока земля не прекратила вращаться перед глазами, я продолжала ощущать на себе сильные, напряженные до предела руки с натянутыми как канаты венами. И только когда жар постепенно начал таять, я почувствовала, что Астариен медленно отпускает меня.

Его руки исчезли.

Исчезли губы.

Тепло его тела.

Он больше меня не обнимал, а я боялась произнести хоть звук, все еще с трудом сообщая, что это сейчас произошло.

Что это может значить для меня и для него.

– Сегодня у тебя был трудный день, Фиана Шиарис, – прозвучал негромкий голос за спиной. – Тебе лучше отдохнуть перед завтрашними занятиями.

Я резко развернулась, уже готовая сказать в ответ что-то звонкое и очень важное.

Очень...

Но в лаборатории никого не было. Только холодный полумрак, освещаемый тусклым светом луны.

Мастер исчез.

Глава 2

Это было уже слишком. Чересчур даже для него.

Багровый змей выскользнул из лаборатории так быстро, словно за ним гналась стая подземных демонов. Оказавшись в соседнем помещении, используемом, как правило, в качестве кабинета, он тихо затворил за собой дверь и, коснувшись ее ладонью, через мгновение уже уперся в нее всем телом, закрыв глаза.

От Фианы Шиарис его отделяла всего одна тонкая деревянная перегородка, и он продолжал чувствовать ее запах. Уже почти неуловимый здесь, но еще такой яркий на нем самом. На его коже – легким умопомрачительным флером, на губах – горячим наркотиком, на кончиках пальцев – сладостью безумия.

Астариен сжал руку в кулак, тяжело дыша. По-хорошему, он должен был смыть с себя ее запах как можно быстрее, чтобы тот не сводил его с ума. Но... он не мог. Не хотел.

Прямо сейчас за стеной он слышал тихие шаги Фианы и представлял ее лицо. Раскрасневшееся. С мягкими, чуть распахнутыми губами, с горячим язычком, случайно скользящим по ним...

Она даже не представляла, насколько это выглядело соблазнительно. Насколько дразняще-дико, остро-пряно и сладко. Она даже не догадывалась, как сильно сводила его с ума своими длинными, чуть вздрагивающими ресницами на закрытых глазах, когда откидывала голову на его плечо. Когда так невинно и так бесстыдно дотрагивалась губами до его шеи.

Проклятая Фиана Шиарис.

Ураганное человеческое безумие для Багрового змея.

Астариен дождался, пока девчонка придет в себя и покинет лабораторию. Дождался, пока раздастся звук захлопывающейся двери, и только затем вышел из своего укрытия. Неторопливо приблизился к окну, застыв у распахнутых штор, как древнее каменное изваяние.

Он и был древним. Для Фианы Шиарис. По человеческим меркам между ними была слишком большая разница. По меркам мираев – нет. Он был волен взять себе любую хасси, которую ему бы вздумалось. Великие змеи испокон веков брали себе человеческих любовниц, но Астариен всегда считал людей слишком слабыми и хрупкими. А еще он помнил историю своего брата, который лишился и хасси, и сайяхасси, и даже собственной мирайской жены по трагической случайности.

Конечно, в то время все было иначе. Возлюбленные его брата погибли, вынашивая его детей. Сейчас эта проблема частично была решена, а Великие змеи уже не зачинали наследников от людских женщин. Но Астариен был из тех, кто вообще предпочитал не иметь дела с людьми.

Знавал он и тех мираев, которые влюблялись в своих спутниц и, раз впустив человеческую женщину в свое сердце, отдавали им его навсегда. Как Торриен Золотой змей, царь Шейсары, много лет назад взявший в жены собственную сайяхасси и сделавший ее царицей.

Астариен никогда не осуждал его: в конце концов, каждый выбирает свой путь сам. Но люди жили гораздо меньше мираев. И даже регулярный прием мирина, который в целом продлевал человеческие годы, не мог уравнивать в сроках жизни людей и мираев.

Багровый змей предпочитал не любить вовсе, чем любить и потерять. Поэтому и для легких интрижек, которые никогда не продолжались слишком долго, он выбирал представительниц более сильных, выносливых и долгоживущих рас. На всякий случай. Это был скорее инстинкт, чем сознательный подход.

Однако именно сегодня мастер ядов осознал, почему он так делал. А еще – что он попал в ту же самую ловушку, что и многие мираи до него.

Он слишком сильно привязался к человеку.

Когда хрупкая фигурка Фианы Шиарис мелькнула далеко внизу на фоне белоснежных тропинок академии, Астариен глубоко вздохнул. Фиана шла быстро и совсем скоро скрылась в огромном древе. Только на мгновение остановившись перед колдовской дверью в стволе, она обернулась.

Багровый змей вздрогнул и задернул шторы. Помещение лаборатории погрузилось во мрак. В темноту, наполненную тонким, отравляющим сердце запахом девушки, от которой у него горела кровь.

Несколько секунд Астариен оставался на месте, глубоко втягивая воздух с закрытыми глазами. Он не знал, зачем это делает, с каждой секундой все сильнее чувствуя, как горят легкие от перенасыщения пряным жаром, как кружится голова. Погружаясь все глубже в океан голода и безумия. Топя самого себя. Это было одновременно сладко и больно. Изошренная попытка, от которой хочется содрать с себя кожу и одновременно не останавливаться ни на мгновение.

Астариен с трудом представлял, как ему хватило сил выпустить Фиану из своих объятий. Из своих рук. Как он позволил ей выйти из этой лаборатории, не сделав своей женщиной. Не превратив в свою официальную любовницу.

Для всех она стала бы хасси Багрового змея. Жила бы в его дворце, носила наряды, едва прикрывающие ее умопомрачительное тело, и хекшарраса с два он бы выпустил ее оттуда. Никогда бы не позволил продолжать обучение на таком сложном и не приспособленном для людей факультете, как «Черный гематит». Не приспособленном для людей, и тем более для женщин.

Вот только Астариен чувствовал, что если бы сделал Фиану своей, то... навсегда. Он уже не смог бы ее отпустить. И самой Фиане это вряд ли понравилось бы.

Да и кому понравилось бы?

Багровый змей не заводил хасси еще и потому, что не считал статус любовницы хоть сколько-нибудь привлекательным. Хасси были ограничены в свободе, их жизнь целиком и полностью менялась, подстраиваясь под правила Великих змеев.

Астариен не думал, что это правильно – ломать кого бы то ни было.

Вот только и отпустить он бы уже не смог.

С силой стиснув зубы, он направился в душевую комнату, наконец позволив себе принять верное решение и смыть к паучьим богам дурманящий голову запах. И ощущая, как что-то болезненное разрывает его душу.

Крупные капли воды ударили по коже, но мастер ядов не чувствовал их. Его тело горело, как в лихорадке, а мысли не могли выстроиться в правильные ряды, напоминая рой разъяренных пчел, которые кружатся вокруг одной-единственной цели.

Фианы Шиарис.

Он уже не думал, как прежде, что она последовательница какого-то запрещенного культа. Не считал ее предательницей, проникнувшей на территорию академии со скрытой целью. Слишком на поверхности были все ее эмоции, слишком наивны огромные, широко распахнутые глаза, сверкающие таинственным фиалковым светом где-то в самой глубине. Он больше не подозревал ее ни в чем. Теперь ему было кристально ясно, что если кто-то из них двоих и совершил что-то предосудительное, то это он сам. Потому что пожелал собственную ученицу. И был не в силах ее отпустить.

Но, может быть, это пока... Может быть, потом станет легче... А в этот миг он мог позволить себе каплю безумия, kloкочущего в висках, как небо перед грозой.

Фиана.

Фиана.

Фиана.

По крайней мере, сейчас его никто не видит. По крайней мере, сейчас он один в собственном личном пекле с ее лицом перед его глазами.

Низкий стон сорвался с губ мастера ядов, когда он понял, что даже холодный душ не помогает выкинуть девчонку из его головы. Даже в ту секунду, когда он почти не чувствовал ее запаха, только влажные струи воды, она все равно была перед ним.

Тихо выстаннывая его имя: «Астариен...»

Молния пронзила позвоночник, он зажмурился, пытаясь перестать дышать вовсе. Пытаясь перестать слышать и видеть.

Помнить.

Глухое рычание вырвалось из горла, когда и это не помогло.

Астариен не заметил, как его рука словно сама собой опустилась, неожиданно обхватывая каменно-твердую напряженную плоть. Паучьи боги... Он едва мог себя контролировать, видя перед собой только узкое женское лицо. Словно до сих пор ощущая под пальцами *ее кожу*...

Ладонь чуть качнулась, и тут же сквозь звон в ушах снова прозвучал ее голос.

Стон.

И все мысли выбросило из головы, словно внутри разорвалась колдовская бомба.

Он хотел ее каждую секунду, каждую минуту, каждый собственный вздох.

Рука начала двигаться почти независимо от его желания. Астариен чувствовал себя мальчишкой, который не может сладить с собственными стремлениями. Но это было чересчур для него.

Горячие волны жгучего удовольствия ударили по телу, рассыпая в мышцы раскаленные угли мурашек, вызывающих желание продолжать и не останавливаться. Возвращающих образ распахнутых женских губ, от которых хотелось сильнее зажмуриться, чтобы увидеть.

По-настоящему.

Снова.

Фиана... У него в руках. Ее трепещущее, вздрагивающее от испуга тело, ее серо-стальные волосы, рассыпавшиеся по его груди, хрупкие ладони, неуверенно скользящие по нему, запутывающиеся в его прядях и осторожно, незаметно перебирающие родовые бусины... Словно он мог ее за это наказать.

– Хекш, – хриплый стон вырвался из горла сквозь плотно стиснутые зубы.

Рука двигалась быстрее, подстегивая яркое болезненное воспоминание. Острый, пьянящий образ, отравивший его не хуже, чем это сделала бы настойка из белой королевы.

Он хотел ее. Мрак и демоны, как же он хотел очутиться в ней, войти в ее податливое тело, лаская гладкую, как шелк, кожу, вырывая заново стон за стоном из ее груди. Коснуться губами всего того, чего бесстыдно касались сегодня его пальцы.

Это было чересчур для него.

Она проникла в его кровотоки, и он ничего не мог с этим поделать.

Астариен поднял ту самую руку, на которой все еще незримо остался след ее тела, и сжал в кулак. Вонзился зубами в жесткую плоть, ловя губами холодный влажный воздух. И задышавшись.

Другая рука стала резче, приближая его к собственной пропасти.

Ее стон.

Вдох – воздух ножом по горлу.

Разряд по позвоночнику.

Фиана...

Судорожные движения, сильнее стиснутые зубы.

Еще сильнее. До крови вошедшие в кожу клыки.

И снова ее тихий стон в ушах, вызывающий самый сильный разряд сквозь позвоночник, толкающий его за черту:

«Астариен...»

– Хекш, – выдохнул, с громким рычанием выплескивая пламя из собственного тела, задыхаясь от грохота в груди. Продолжая едва двигаться снова и снова, пока в мышцах не поселилась долгожданная пустота.

Вот только перед глазами продолжало стоять женское лицо. Узкое, худое, с тенью длинных ресниц на тонкой коже...

– Проклятие, – прошептал Багровый змей, стиснув зубы и с силой ударив по прозрачной кабинке кварцевого стекла.

Тонкий каменный лист не покрылся трещинами, он в тот же миг разлетелся мелкими осколками по полу, рассыпая вокруг острую стеклянную крошку.

Астариен выскользнул из душевой, не обращая внимания на то, что вода растеклась по плиткам, заполняя пространство комнатки. Он вышел прочь из лаборатории, оставляя за собой все, что там произошло. Только вездесущий запах Фианы унося за собой.

Ночной ветер ударил по мокрому телу змея, но он не обратил внимания. У него оставался последний шанс отвлечься, который помогал ему всегда. Работа. И прямо сейчас мирай попытался сконцентрироваться на том, что же вызывало у него такое странное чувство диссонанса все последние дни.

У него была проблема, и ее необходимо решать.

Может быть, ночь – не самое лучшее время для поисков и размышлений. А может, как раз наоборот. Академия спала, и никто не мешал Астариену обойти ее вдоль и поперек, изучая и пытаясь понять, что происходит. Пусть даже при этом он будет обнаженным, а с волос по телу будут стекать мокрые дорожки. Того, что у него, ко всему прочему, разбит кулак и с него на траву капает кровь, он, как водится, даже не заметил.

В любом случае никто не станет задавать дурацких вопросов.

Астариен помнил, что инкубационный рубин из лаборатории анемона пропал ровно две недели назад. Ректор Рессел был обеспокоен вопиющим фактом воровства в его собственной вотчине, но не придавал этому событию столь серьезного значения, как сам Астариен.

Инкубационный рубин – вещь безумно дорогая, являющаяся почти реликвией. Камень богини Иль-Хайят подобных размеров встречается очень редко. А рубин академии был почти со страусиное яйцо. Если в ближайшее время он не будет найден, слухи дойдут до царя Торриена, и вряд ли преподавателям понравится то, что он им по этому поводу скажет.

Однако и особенного беспокойства эта пропажа не вызывала. Вынести с территории Верхней Шейсары такой камень невозможно, на границе существует магический досмотр, исключающий вывоз сильных артефактов за черту города. Да и сам рубин, скорее всего, должен скоро всплыть на одном из черных рынков. Тогда-то Астариен и его гвардиары легко обнаружат и его, и похитителей.

Однако Багровый змей опасался другого. Что неизвестный похититель вовсе не собирался продавать рубин. А значит, ни на одном рынке он никогда не всплывет.

Если сильная магическая реликвия понадобилась культистам, можно только гадать, как они ей воспользуются. И каких неприятных сюрпризов следует ждать в ближайшее время.

Все это могло оказаться просто пустыми предположениями. Домыслами. Однако Астариен чувствовал, что не ошибается. А чутье подводило его редко.

Обойдя один раз главное здание самоцветов, Багровый змей сумел немного отвлечься. Мысли вернулись в привычное русло и прямо сейчас крутились вокруг странного факта: инкубационный рубин пропал из лаборатории две недели назад. Но растения, которые выращивались с его помощью во всех прилегающих оранжереях, продолжали расти почти в привычном темпе. Один из лаборантов даже сегодня обрадовал его новостью, что эксперимент с несколькими ядами будет проведен вовремя, потому что необходимые ингредиенты успели созреть и без рубина.

И белая королева зацвела точно в срок...

Астариена прошила яркая догадка. Это могло говорить лишь об одном: инкубационный рубин все еще в академии. Он просто поменял место своего расположения.

Змей поднял голову, взглянул на высокую острую крышу главного здания, посеребренного луной. Затем опустил взгляд, рассматривая первый этаж и канализационные стоки. Вот только где же тогда находится рубин? А самое главное – кем и для чего он был перенесен в новое место?

На этот вопрос Багровому змею еще только предстояло ответить. Но он и не подозревал, как скоро его самые мрачные догадки начнут подтверждаться.

Глава 3

На следующее утро я проснулась с мыслью, что ни в коем случае не буду думать о случившемся ночью. Вот ни при каких обстоятельствах!

Джерхан молча смотрел на меня своими хитрыми зелеными глазами, в глубине которых я читала много невысказанного. Уголки его губ были приподняты, и я понимала, что он не мог хотя бы примерно не догадаться о том, чем закончилось мое занятие с мастером ядов.

Однако стоило мне пару раз гневно посмотреть на мирая, как он поднял руки и нарочито удивленно бросил:

– Ты сегодня выглядишь ужасно заведенной – наверно, плохо спала, да? А мне приснился ужасный кошмар, представляешь? Словно я подхожу к зеркалу в облике Великого змея, а с другой стороны на меня смотрит не мое отражение, а лицо мастера Гроара. С моим нефритовым хвостом! Вот уж где жуть жуткая. – Он усмехнулся, а потом добавил: – Ясно же, что огру ни за что не подошел бы мой цвет! Скорее глиняный там или гранитный... А то был бы Нефритовый огр! Нет, ну это ни в какие ворота.

Он покачал головой, словно его и впрямь пугал озвученный факт, а потом скрылся в душевой комнатке.

Я же с трудом, но сумела взять себя в руки и постаралась сделать вид, что вчера и впрямь не произошло ничего особенного. Потому что стоило обдумать случившееся, как голова начала жалобно трещать.

Ведь я поцеловала Багрового змея!

А он меня... ласкал.

К тому же стоит отметить, что эти два факта – не последние совершенно невероятные новости вчерашнего вечера. Есть еще две!

Во-первых, к концу года я могла уже в значительно меньшей степени уступать в способностях мильерам. Стать в самоцветах совершенно своей! А во-вторых... могла сойти с ума от любви к мастеру ядов.

Нет-нет, все это было чересчур для меня.

И если бы я могла хотя бы надеяться, что то же самое думает о случившемся и сам Багровый змей, наверно, усмехнулась бы. Может, захлопала бы в ладоши от радости. Но я была не в курсе ни того, что на уме у мастера ядов, ни того, к чему это все совсем скоро приведет.

Поэтому для начала я приняла решение прожить день, не размышляя об Астариене Рише. А именно – сходить на занятие по магии и узнать, на что я гожусь в науке, которая не давалась мне с самого детства. Вдруг у мастера этого искусства найдется какой-то волшебный способ открыть во мне способности? Чем гоблин не шутит, как говорится. Тем более что мастер магии и в самом деле был гоблином. Еще одна мильерская раса, столь же редкая, как и огры. Я знала о них только то, что они предпочитали жить в пещерах и редко показывались на поверхности. Но при этом были искусны в самой разной магии, несмотря на то что их общий колдовской потенциал был невелик.

Так как занятие волшебством подразумевало практику, для нее требовалась и особенная одежда. Академия предоставляла своим ученикам все необходимое, а те уже решали, пользоваться благами родной альма-матер или нет.

Я, конечно же, пользовалась. Вот и в этот раз на мне оказалась эффектная приталенная мантия черного цвета, полы которой были слишком узкими для того, чтобы запахнуть. Скреплял их лишь широкий пояс с изящными узорами. Под мантией виднелся тонкий цельный костюм с короткими шортами из небесно-голубой полупрозрачной органзы. Сочетание плотной верхней ткани и тонкой нижней создавало некий союз двух традиций: человеческой

и мирайской. Чем больше я обращала внимание на покрой костюмов в Шейсаре, тем сильнее замечала нюансы, которые сначала не бросались в глаза.

Говорят, когда-то давно людям запрещалось носить мягкие и тонкие одежды. В Нижней Шейсаре и сейчас редко можно было встретить человека в органзе или шелке, люди предпочитали хлопок и лен. Однако нынче это лишь дань моде и результат низкого заработка. В прошлом тяжесть человеческих одежд была призвана подчеркнуть зависимое и «тяжелое» положение людей. А невесомость покровов Великих змеев – степень их избранности и привилегированности. В наше время все было иначе. Люди больше не считались бесправным народом. И мой костюм для занятий по магии, сочетающий в себе два обычая, это подчеркивал.

Уже выходя из комнаты общежития, я последний раз заглянула в тумбочку возле кровати, откуда многозначительно выглядывали бутылки с мирайским ядом. Вчера, когда мастер едва ли не растворился в воздухе буквально у меня на глазах, я, конечно же, забрала свою награду за занятие. У меня не было оснований считать себя провалившейся, поэтому, несмотря на то что Астариен вроде как не давал официального разрешения забрать яд, я все равно это сделала. И пусть кто-нибудь попробовал бы меня остановить! Мирин я честно заслужила. Ну... может быть, не очень честно, но это уже не имеет значения. Победителей не судят. А я победила.

Быстро захлопнув ящик, я ушла.

Джерхан обещал догнать меня уже на самом занятии, вроде как у него образовались неотложные дела, поэтому искать аудиторию для практики по магии мне пришлось самой. И, признаться, это стоило немалых трудов!

Оказалось, что нужный мне зал звался «Пещерой номер шесть». И звался он так неспроста. Под высоким зданием самоцветов, искрящимся в солнечном свете белой каменной кладкой, как оказалось, располагалась целая цепь небольших, скрытых тьмой ходов. Некоторые были объединены друг с другом, а некоторые нет. И в какой последовательности и по каким правилам это происходило, понять было совершенно невозможно! Пройдя насквозь пещеры номер два и три, я оказалась в тупике, а вернувшись в пещеру номер один, с трудом обнаружила проход в пятую и шестую.

В общем, на занятие я пришла уже слегка разозленная. К тому же окружающий подземный полумрак, освещаемый лишь редкими тусклыми факелами, не придавал веселья. Меня пронизывала влажная прохлада, в нос забивался запах земли, а сердце морозило странным предчувствием.

Впрочем, стоило добраться до зала, как подобные мысли ушли на второй план, потому что я впервые в жизни увидела подземного гоблина. Большинство академистов уже было на месте и внимательно слушало низкорослого крепкого мужчину с заостренными ушами и оливковой кожей. Мастер магии носил замшевые штаны, по бокам стянутые веревочками, и такую же жилетку, открывавшую сильные руки с мощными бицепсами. Черные волосы гоблина оказались заплетены в мелкие косички, убранные в хвост.

Если приглядеться, он не слишком отличался от обычного человека, как и большинство мильеров. Только слишком крупные черные глаза производили странное впечатление, вызывая легкую дрожь, когда внимание гоблина случайно падало на меня.

– Теплого солнца, – бросив косой взгляд, проговорил Тельварис, неожиданно очутившись совсем рядом со мной.

А может, это я сама инстинктивно встала к нему поближе. В конце концов, среди всех одноклассников более-менее я знала только его и Джерхана. Остальные парни поглядывали в мою сторону либо со снисходительностью, либо с каким-то недвусмысленным любопытством. Впрочем, была и третья группа – те, кого я откровенно раздражала. В основном в эту группу входили гарпии: тот парень, что с самого начала невзлюбил меня, и парочка его дружков. Заводили звали Волантиль Хьяр. Остальных я даже запоминать не стала.

– Какое уж тут солнце, – хмыкнула я в ответ на традиционное приветствие Верхней Шейсары, кивнув на каменные своды над головой.

На неровных стенах пещеры были установлены самые настоящие чадающие факелы. Ни капли магии. И прямо сейчас мы оказались в сыром полумраке, уютно в котором было, кажется, только нашему мастеру.

– Мокрого мха! – раздался звонкий и веселый голос у меня над ухом. – Так лучше, Фи? Я узнала измененный тембр Ханны.

– Мокрого мха и ведра пауков, – улыбнулась я в ответ, и Тельварис показательно поежился.

Тем временем мастер оглядел присутствующих хитрым цепким взглядом из-под низких бровей и сказал:

– Я смотрю, все собрались, и мы можем приступить. Первые две недели обучения в самоцветах занятий по магии у вас не было, и это неспроста.

Его голос оказался грудным и звучным, довольно приятным, несмотря на то что общее впечатление мастер производил опасное. Хотя он был не выше меня и не сильно шире в плечах, я инстинктивно чувствовала, что в схватку с ним вступать не стоит.

– За прошедшее время вам следовало привыкнуть друг к другу, к нашей академии, к изменениям, которые произошли в вашей жизни, – продолжал гoblin, сцепив руки за спиной. – Ведь несмотря на то что способность колдовать доступна большей части рас Шейсары, магия – это очень неустойчивая и текучая субстанция. И ваши умения в этой науке будут зависеть от того, насколько в мире и спокойствии вы находитесь с собственным разумом.

Мастер поднял руку и коснулся виска длинным тонким пальцем с темным, чуть загнутым когтем. На его губах заглась хитрая улыбка.

– Магия – это сила вашего ума, – сказал он, подняв другую ладонь и щелкнув пальцами. В тот же миг все факелы в пещере погасли, и мы очутились в кромешной тьме.

– Хекш, я ничего не вижу, – шепнула я, невольно протянув руку в пустоту перед собой и схватившись за чье-то плечо. – Надеюсь, нам не придется сражаться на магии в темноте.

– Это было бы очень в стиле мастера Гроара, – проговорил Тельварис, оказавшийся обладателем того самого плеча.

– Ой, это ты? – ахнула я, рассчитывая на то, что все же щупаю Ханну. – Прости, пожалуйста.

С Тельварисом я хоть и была неплохо знакома, все же не настолько, чтобы пересекать границы личного пространства.

– Будем надеяться, что гoblinы не обладают чувством юмора огров, – спокойно продолжил дракайн и не думая скидывать мою руку. Похоже, она ему вовсе не мешала.

– Да ладно, вряд ли мастер решил усложнить нам задачу, ведь большинство мильеров прекрасно видят в темноте, – бросила в это время моя псевдососедка.

– Только я не одна из них, – хмуро буркнула я и все же убрала руку с плеча Тельвариса, снова почувствовав себя трехногим щенком в стае волков.

– Вот не свезло тебе, фиалочка, – весело добавила Ханна.

А когда я еще сильнее нахмурилась, она ловко поддела пальцем мой подбородок, подтверждая то, что прекрасно видит, в отличие от меня. И проговорила:

– Ну-ну, не злись. Я же шучу.

Однако в этот момент раздался голос Тельвариса:

– После того как Шиарис завалила мастера Гроара, я бы не рискнул сказать, что ей в чем-то не свезло.

И я не смогла не улыбнуться.

– Вот ты мне сразу понравился, Тель! – задорно бросила я, попытавшись хлопнуть его по плечу, но промахнулась и чуть не упала. Затем, малость краснея, постаралась скрыть собственную оплошность, махая ладонями так, словно отгоняла муху.

– Ты в порядке? – серьезно спросил дракайн, поддерживая меня под руку под подозрительные Джерханские смешки.

– Да-да, конечно, Тель! – воскликнула я, еще сильнее краснея. – Я же могу тебя так звать? Жаль, что ты не девчонка, могли бы жить в одной комнате. А то соседка мне досталась еще та, я тебе скажу. С сюрпризами!

Теперь вместо смеха с той стороны, где стояла Ханна, раздался сдавленный кашель.

– И вовсе без сюрпризов! – поспешно проговорила она. – К тому же Тельварис наверняка живет в доме родителей. Насколько мне известно, поместье Ресселов находится недалеко от академии.

– Нет, – спокойно ответил дракайн. – Я живу в древе общежития.

– Правда? – раздался удивленный голос подруги.

– Правда. Но увы, вряд ли я сошел бы за девчонку, даже если бы и впрямь ужасно захотел жить с тобой, Фиана.

– Ой, поверь, при желании возможно все, – многозначительно усмехнулась я, в темноте пытаюсь разглядеть Ханну, но в результате только получив от нее незаметный тычок локтем.

Тельварис не ответил, явно не уловив смысла моей шутки. К тому же оказалось, что за время, которое мы проболтали, гоблин уже успел представиться и рассказать что-то о теории магии. И все это так и не зажигая факелы.

– Кроме того, – продолжал профессор, – есть расы, которые склонны к определенному типу волшебства, а есть такие, которые не склонны к нему вообще. Например, люди.

– Ну конечно, – вздохнув, фыркнула я.

– И так уж вышло, что в вашей группе впервые на моей практике есть человек. Фиана Шиарис, не так ли?

После прозвучавших слов сразу стало как-то тише.

– Так... мастер, – сбивчиво проговорила я, начиная краснеть.

Несмотря на то что вокруг было темно, хоть глаз выколи, чувствовалось, что все присутствующие смотрят только на меня. А я даже не знала, где конкретно находится гоблин! Да еще и прослушала, как его зовут...

– Мы должны определить, насколько вы реально способны колдовать, гематит Шиарис, – продолжал мастер. – Мильер Рессел рассказал мне, как проходили ваши вступительные испытания в академию. И поэтому я принял одно важное решение.

Я вздрогнула, почему-то почувствовав, что это решение может мне сильно не понравиться.

– Поскольку занятия на «Черном гематите» ориентированы так, чтобы учитывать сильные и слабые стороны каждой расы, я не стану учить всех одному и тому же. Вы просто не сможете выполнять одинаковые задания. Поэтому в первом семестре наши уроки будут ориентированы на отработку ударов самой сильной стихии, присущей каждой расе. А гематит Шиарис... будет от этих ударов защищаться.

– Что? – ахнула я. – То есть на мне начнет отрабатывать магию вся группа?

– Вот попала, – хмыкнула Ханна, хлопнув меня по плечу. – Но я уверена, ты справишься, фиалочка. Ты же у нас победительница огров!

И сдавленно рассмеялась в кулак низким смехом Джерхана.

– Сочувствую, – добавил с другого бока Тельварис.

Он хотя бы не смеялся, кажется, говоря совершенно серьезно.

– Не стоит беспокоиться, – добавил гоблин звонким уверенным голосом. – Судя по тому, что рассказал наш ректор, какая-то чувствительность к магии у вас, Шиарис, все же имеется.

Именно поэтому мы начнем с попыток эту чувствительность развить. Подойдите ко мне и встаньте в центре пещеры.

Кто-то по бокам от меня зашевелился, послышалось шуршание ног по каменному полу.

Я осторожно сделала шаг и тут же полетела вперед, споткнувшись о какой-то камень. В последний момент почти одновременно с двух сторон меня ухватило сразу четыре руки.

– Осторожнее, – раздался хмурый голос Тельвариса.

И резкий – Джерхана:

– Эй, Фи, смотри перед собой!

– Я смотрю... Да без толку. Спасибо, – выдохнула я, заглушая быстро бьющееся в горле сердце.

Почти сразу я выпрямилась, но в стороне кто-то все же усмехнулся моей неловкости.

– А нельзя хотя бы факелы зажечь? – спросила я у преподавателя, не слишком надеясь на положительный ответ. И через мгновение, не сдержавшись, добавила еле слышно: – Интересно, у всех мастеров в этой академии мания проводить занятия в темноте?

– Что, даже так? – игриво шепнул мне в самое ухо Джерхан, который явно мгновенно понял, *о чем и о ком* идет речь. – Я уже почти ревную.

Я пообещала себе, что обязательно пристукну его, как только мы вернемся в древо.

– Боюсь, факелы не позволят задействовать твою колдовскую чувствительность, – проговорил гoblin, отвлекая меня от мыслей о благородной мести. – Ты попытаешься разглядеть магию глазами. А нам это не нужно. К тому же все присутствующие, кроме тебя, так или иначе видят в темноте. Поэтому для моего эксперимента отсутствие света будет отличным подспорьем.

– Замечательно, – нервно буркнула я, пытаюсь идти на голос мастера. На этот раз, как ни странно, Джерхан взял меня за руку и осторожно повел вперед. – Я эксперимент...

Однако в следующий миг мысли испарились у меня из головы, потому что на грани слышимости раздался очередной щелчок пальцев, и я взлетела в воздух. Я хотела вскрикнуть или хотя бы возмутиться, но быстро поняла, что этот фокус – дело рук самого мастера.

– Это чтобы вы не переломали себе кости, пока добираетесь до площадки для тренировки.

– Тут есть еще и какая-то площадка? – пискнула я, перебирая ногами в воздухе и инстинктивно пытаюсь зацепиться хоть за что-то. Снизу раздавались сдавленные смешки.

Настолько зависимой и беспомощной я не чувствовала себя давно. Впрочем... может, не так уж и давно. Мастер ядов на каждом занятии заставлял меня испытывать нечто подобное. Словно я подвешена в воздухе и в любой момент могу упасть.

А я опять думаю о Багровом змее.

Что ж... ничего нового.

Когда ноги коснулись твердого камня пещеры, мне показалось, что я начала что-то видеть. В крошечной тьме шевелились какие-то тени и смутные образы, словно со всех сторон вокруг меня появлялись люди.

– Да, в самом центре пещеры – свободное место для упражнений по магии, – ответил спокойный звонкий голос гоблина совсем рядом. – Не вертите, я справа, – добавил он и положил руку мне на плечо.

В его интонациях не было насмешки, но я все равно чувствовала себя глупо.

Впрочем, как ни странно, оказалось, что в чем-то мастер прав. Я и впрямь с каждой секундой все внимательнее начинала вслушиваться и всматриваться в окружающую тьму. И потихоньку ощущала чужое присутствие без участия глаз.

– Вам нужно преодолеть самое главное – страх, – продолжал гoblin. Звук раздавался откуда-то на уровне моего плеча.

– Я не боюсь, – покачала головой и осознала, что лгу.

В груди спиралью свилось холодное и промозглое чувство.

– Все испытывают страх, когда лишаются чего-то привычного. Тем более когда речь идет о зрении – основополагающем элементе, который дает большую часть представлений об окружающем мире. Но вам придется преодолеть этот страх. Например, представить себя существом, которое от рождения никогда не видело света.

Я громко сглотнула. Странное ощущение шевельнулось внутри, когда он это сказал.

«Представить себя существом, которое от рождения никогда не видело света...» – что-то невыносимо ужасное было в этих словах.

– Мастер... – Я вдруг запнулась, осознав, что так и не спросила ни у кого, как зовут нашего преподавателя по магии.

– Мастер Грильс, – невозмутимо подсказал гоблин, снова без капли иронии или насмешки. – Мое имя Стерег Грильс. Не переживай, я знаю, что гоблинские имена сложны в запоминании. Особенно для Великих змеев, надо заметить, – он усмехнулся с мягкой хитрецой. – Впрочем, с их длинными клыками только шипеть, верно?

Он похлопал меня по плечу и убрал руку. А мне вдруг стало гораздо легче, чем прежде. Словно вот такая спокойная поддержка и была мне нужна.

Каким-то образом гоблин умудрялся разговаривать так легко и непринужденно, словно был моим старым знакомым. Может быть, даже кем-то вроде одного из товарищей моего сводного брата, бродягой или вором подземной Шейсары.

– Мастер Грильс, – кивнула я, приготовившись выполнять указания и неожиданно совершенно позабыв короткую ускользающую мысль, что вспыхнула в голове всего мгновение назад. Что-то очень важное, о чем я хотела спросить пещерного гоблина. – Что я должна делать?

– Я рад, что вы готовы, гематит Шиарис, – одобрительно проговорил мастер, и его голос начал удаляться от меня, словно гоблин отошел в сторону. Сразу стало еще страшнее.

Впрочем, к дракам я привыкла. Что с того, что теперь одно из сражений будет вестись по новым правилам?..

Я расставила ноги пошире и приняла устойчивое положение.

– Надень перчатки, – снова раздался голос гоблина. И мне в руки упала тонкая кожаная тряпочка.

А перед глазами вспыхнуло лицо Астариена с его горящими алыми глазами и раздражением в красивом рычащем голосе: «А перчатки перед тобой для чего лежат?..»

Дрожь лизнула позвоночник.

Я встряхнула головой, пытаюсь выбросить мысли о мастере.

– Это перчатки из зачарованной кожи пятнистой ящерицы, пропитанной кровью огра, – пояснил тем временем гоблин. – В первое время они позволят вам отбивать летящие заклятия.

– Кровь огра? – раздался в стороне насмешливый голос Ханны. – Мастер Гроар, никак, накапал вам пару капель?

– Не каплю, а целый кувшин, – неожиданно ответил преподаватель, чем чрезвычайно всех удивил. – Поэтому артефакт у вас в руках очень редкий, гематит Фиана. Относитесь к нему с уважением.

– Да, конечно, – ахнула я, обнаружив, что держу, вообще-то, всего одну перчатку, и пытаюсь нащупать на полу вторую, которая, похоже, упала.

Ее нигде не было. Зато я нашла чей-то гладкий ботинок довольно странной конструкции. Спереди он был открыт, и изнутри, касаясь пола, торчали небольшие пальцы с довольно острыми ногтями.

– Что это вы делаете? – спросил мастер Грильс, отдернув ногу в сторону.

– Ищу вторую перчатку, – ответила я, густо краснея. Сбоку раздались сдавленные смешки.

– Я дал всего одну, – объяснил гоблин. – Вы должны отбивать заклятия обеими руками, однако левая будет лишена защиты. Таким образом вы будете вынуждены вкладывать в движения собственную магию. Таков план.

– Ах, вот оно что... – сухо проговорила я, поднимаясь на ноги.

Перспектива вырисовывалась не самая радужная. Но под ребрами уже зудело попробовать. Я никогда не делала ничего подобного! Мне не приходилось сражаться с существами, наделенными волшебством, и, признаться, это немного расстраивало. Ведь каких бы высоких успехов с годами я ни достигла в рукопашном бое, меня всегда сможет победить один-единственный маг.

А магов в Шейсаре бесчисленное количество...

В следующие десять минут мастер Грильс рассказывал, какие движения я должна совершать, как стоять и что чувствовать. Где-то в теле должен находиться магический центр, который просто обязан откликнуться на тренировку, и в какой-то момент необходимость в перчатке должна исчезнуть.

В теории звучало складно и понятно, однако стоило перейти к практике, как все стало выходить из рук вон плохо. В паре с хмурым гарпием я трижды падала в обморок, не успевая отскакивать, когда парень применял свою расовую магию – туман-морок. В темноте до меня быстро и незаметно добиралось колдовское облако, которое совершенно не удавалось отразить перчаткой, и я погружалась в неприятный зачарованный сон. А между прочим, падать на каменный пол – то еще удовольствие! Мастер Грильс даже вынужден был встать рядом со мной, чтобы при падении поддерживать меня и не дать разбить голову.

Стыдно было ужасно. Но вернуться в общежитие с раскошенным черепом не хотелось, поэтому я только тихо поблагодарила гоблина за заботу. Помнится, мастер Гроар подобной поддержки не предлагал.

Вторым ко мне в соперники поставили незнакомого дракайна. Его родовой магией оказалось пламя. Довольно слабое, по мнению Тельвариса, что стоял неподалеку и ждал своей очереди. Однако когда в меня полетело несколько жгучих огненных капель размером с куриное яйцо, я была склонна не согласиться с товарищем.

Двигая руками вперед-назад, как учил мастер Грильс, я пыталась отразить капли, а затем атаковать в ответ, для чего и выбрасывала вперед лишенную перчатки ладонь. К сожалению, последний пункт должен был сработать в том случае, если моя собственная сила проснется, а этого пока не происходило. Поэтому я продолжала тренироваться вхолостую.

К счастью, огонь во тьме было прекрасно видно, а от магических всполохов вся пещера немного осветилась. Несмотря на это, через десять минут все мое тело покрывали ожоги, потому что огненные удары соперника я через раз пропускала.

– Жарковато, да? – усмехнулся дракайн, стоящий со мной в паре и явно крайне довольный собой.

Конечно! Ему-то ничего не угрожало. А я, когда в меня попадал его снаряд, каждый раз вскрикивала. Судя по ухмылке дракайна, крайне смешно. Но он хотя бы сдерживался, не смеялся, а вот парочка гарпиев под предводительством Волантиля Хьяра, моей персональной головной боли, хохотала почти в голос.

– Нет, так не пойдет. – Гоблин остановил бой, чем меня несказанно порадовал, хотя и немного удивил.

Он махнул рукой, и следующей против меня вышла Ханна.

– Возможно, у двух девушек команда получится слаженной, – задумчиво проговорил мастер Грильс, потирая острый подбородок и хмуро качая головой. Как и все в пещере, он тоже заметил, что у меня пока ничего не получается.

– А разве вы не собираетесь загонять меня до полубоморочного состояния, чтобы, избитая и уставшая, я наконец научилась колдовать? – осторожно спросила я, честно говоря,

несколько сникшая от полученных ожогов. Руки были красные, на них набухали волдыри. К счастью, мантия оказалась огнеустойчивой, поэтому живот и ноги удалось сохранить в целостности.

В этот момент Ханна, которая уже встала напротив меня, вытянула в сторону ладонь, на которой зажглось крупное, насыщенно-оранжевое пламя. Даже этот совсем небоевой огонек был значительно крупнее всего, что в меня швырял прошлый соперник. И, глядя на ухмыляющуюся соседку, в глазах которой сверкала дерзкая и совсем не женская веселость, я поняла, что мне конец. Похоже, наг владел огнем гораздо лучше скрывшегося с глаз дракайна.

Был в этой скрытой огненной угрозе только один плюс: я стала еще лучше видеть мастера Грильса – его взгляд и выражение глаз. Гоблин удивленно посмотрел на меня, приподняв кустистую бровь.

– Я не планировал отправлять вас домой на носилках, гематит Шиарис, – с некоторым удивлением ответил он. – Вы всего лишь первокурсница. Настоящие сражения будут много позже. Примерно к концу года.

– А вот мастер Гроар явно придерживается другого мнения, – буркнул кто-то в стороне.

Гоблин скривился, как будто ему под нос подсунули нечто давно протухшее и крайне пахучее.

– Я не одобряю тактику преподавания мастера Гроара, – ответил он, чем явно обрадовал не одну меня. – На моих занятиях вы продолжите совершенствоваться и возвращать свою силу. На его – убивать друг друга. Но не будем отвлекаться!

Он хлопнул в ладоши и через мгновение расставил оставшихся парней по парам. Если прежде все просто глазели на то, как происходит избиение «человеческой бедняжки», то теперь каждый занялся делом. Вокруг засверкали всполохи магии, скользя от одного академика к другому. Парни повторяли те же движения, что и я: вперед-назад-вперед. Ударить-блокировать-ударить. Только, в отличие от меня, ни у кого на руках не было зачарованных перчаток, у них получалось и так.

Пещера озарилась светом желтых огненных сфер, всполохами магического тумана и вспышками белой молнии, на которую оказался способен единственный василиск в нашей группе. Ни у кого задание не вызывало проблем. Ни у кого, кроме меня.

Впору было расстроиться, но я предпочла сконцентрироваться на другом. А именно – на том восхитительном факте, что Тельварис встал в пару с дракайном, оставившим на моем теле тьму болезненных ожогов. Подмигнув мне, сын ректора Рессела послал в его сторону сразу десяток раскаленных сфер, отразить и заблокировать которые тот просто не смог. И пещера наполнилась уже его раздосадованными криками.

Это была небольшая, но очень приятная месть.

Ханна же все так же стояла напротив меня, насмешливо улыбаясь и приготовившись бить.

Я заранее настроилась на получение еще десятка болезненных ран и, может быть, даже на лишение части волос. Интересно, без них я покажусь мастеру Ришу совсем некрасивой?

Едва эта мысль оформилась, я начала впадать в панику.

– Только не целься в голову! – ахнула я.

Но в этот момент гоблин подал Ханне знак, и, совсем не женственно замахнувшись, с крутым разворотом широких плеч она ударила.

Несмотря на то что опасалась я худшего, огромный и мощный огненный шар полетел... нарочито медленно! Я даже не успела сообразить, что происходит, инстинктивно прикрываясь перчаткой и прикидывая, как увернуться. А потом стало ясно, что шар-то все еще летит. Едва-едва! Не торопясь и пофыркивая желтым дымком.

Увидев мое озадаченное лицо, Ханна запрокинула голову и расхохоталась низким мягким голосом Джерхана. И лишь когда я пошире распахнула глаза, приложив палец к губам,

чтобы он замолчал, Нефритовый змей под прикрытием чуть успокоился и кивнул. Но продолжал хитро улыбаться.

Мне не составило труда протянуть вперед перчатку и поймать внушительный, но крайне медлительный снаряд. А затем сделать ответный выпад второй рукой, словно посылая в Ханну собственную магию.

Наконец-то задание гоблина мне удалось выполнить хотя бы наполовину.

– Отлично! – кивнул мастер Грильс. – Гематит Джар, ты прекрасно управляешь своим огнем. Способность контролировать скорость его полета – это именно то, на что я и рассчитывал. Впрочем, от мирайи не стоило ожидать меньшего. Оставайся в паре с гематит Шиарис и потренируй свои удары. Блоки потренируешь потом.

Гоблин взглянул на меня с некоторым сочувствием. Ведь я так и не смогла ни разу атаковать в ответ. Да и защититься без перчатки не представлялось возможным.

– Твоя сила разовьется, я уверен, – проговорил он, ободряюще улыбнувшись.

Я взглянула в его глубокие черные глаза, так похожие на человеческие и при этом так сильно отличающиеся, и попыталась понять, лжет он или нет.

Мастер Грильс поймал мой взгляд и неожиданно улыбнулся. Черные радужки под густыми бровями таинственно сверкнули.

– Вы меня успокаиваете, да? – спросила я, хотя вообще-то собиралась промолчать.

Гоблин в ответ покачал головой, а затем вдруг подошел ко мне. Совсем близко, как будто был не преподавателем, а хорошим другом. Склонился к моему уху и тихо-тихо заговорил. Так, чтобы его слышала только я:

– Настоящее могущество не в силе магии, гематит Шиарис.

Он протянул руку, коснулся моей ладони, перевернул и будто бы вложил в нее что-то. Однако когда кожу зацепило подозрительное тепло, я поняла, что мастер вручил мне маленький язычок пламени. Грильс убрал руки за спину, а я с трепещущим сердцем продолжала наблюдать за тем, как продолжает подрагивать магический огонь на крохотном расстоянии от моей кожи.

– Сила гоблинов низка, – тихо сказал мастер, – однако она может быть чудовищно опасна для врагов.

Язычок пламени неожиданно стал голубым, превратившись в дрожащую каплю воды, от которой в разные стороны посыпались калено-белые искры. Когда они достигали моей кожи, я чувствовала обжигающий холод.

– И даже если все думают, что ты слаба, это не значит, что так оно и есть.

Кристально чистая капля обернулась вокруг себя и превратилась в мягкое густое облако пара, которое при этом было пугающе горячим.

– Никто не знает, по каким законам в наших телах живет магия и почему у одних она сильнее, а у других слабее, – добавил гоблин, пока я замороженно глядела на удивительные трансформации, которыми управлял мастер. – Никто не знает, почему кто-то легко подчиняет морские волны, а по приказу другого расцветают цветы в саду.

И прямо сейчас пар превратился в крохотный стебелек. Он был тонким и красивым, мягко извивался, как живое существо, а на самой верхушке появилось два листика.

Я не могла оторвать глаз от происходящего. Последнее колдовство гоблина выглядело самым безобидным. Но внезапно стало ясно, что стебелек тоже не так прост, как кажется. Очень быстро его тело стало напоминать подвижную ленту. Корнями растение потянулось к моему запястью, но я не решалась отдернуть руку, уверенная, что мастер контролирует процесс.

– Однако воплощение нашей силы не имеет никакого значения, – продолжал гоблин свою странную лекцию. – Магия – это почти живое существо. И для него важно не то, кем ты явля-

ешься, а то, находишься ли ты в гармонии с собой. Именно поэтому у людей, как правило, магии нет вовсе. Люди – единственная раса, характеризующаяся абсолютным непостоянством.

– Что? Разве? – удивилась я, уже забыв обо всем на свете. О том, что рядом разрываются молнии, вспыхивают огненные шары и то и дело кричат одноклассники, пропустившие удар. Я была полностью поглощена рассказом мастера и утопала в его опасных черных глазах, блестящих от колдовского света, разливающегося вокруг.

– Да, – спокойно кивнул милер, пошевелив кончиками пальцев.

Вслед за его движениями стебелек опутал мою руку, ползая по ней, как маленькая щекотливая змейка.

– В характере людей – постоянное изменение. Ваше сердце способно любить сегодня одного, а завтра другого. Сегодня обожать, а завтра проклинать. Сегодня – помнить смерть, а завтра забыть о ней.

– Но... – Я открыла было рот и тут же закрыла его, столкнувшись с пристальным черным взглядом.

Что-то таилось в словах гоблина. Что-то возмутительно резкое, но почему-то правильное. Хотелось спорить с ним, но я никак не могла найти верных слов, будто частично понимала, что он прав.

– Это неплохо, – покачал головой мастер, и его заостренное ухо шевельнулось, когда пара тонких косичек выпала из хвоста. – Создатели дали вам короткую память и слабую волю, чтобы вы могли выжить. Это основа человеческой гибкости. Приспособляемости. А еще – бонус к короткой жизни. Например, если ребенка в детстве бросит мать, он должен жить, приняв в качестве родительницы другую женщину. Если у женщины погибнет муж, она должна найти другого. Ваш век короток. Если вы станете оплакивать свои потери десятилетиями, шанс продолжить род будет очень низок.

Я громко сглотнула, чувствуя от его слов странную боль где-то в груди. Мои родители погибли, а я продолжала жить. Но была ли это хорошая жизнь?

– То, что мы продолжаем жить, не значит, что нам не больно, – глухо проговорила я, пока стебелек обвивался вокруг моих пальцев. А я смотрела на него, и он расплывался перед глазами во влажном блеске.

– Тебя должно успокоить то, что долгоживущие расы страдают гораздо сильнее, – покачал головой он, осторожно коснувшись моей руки, словно хотел поддержать. – Например, мы, гоблины, почти не умеем прощать. Ведь если тебя предали единожды, то сделают это снова. Поэтому и предательства среди нашей расы чрезвычайно редки. А дракайны способны по-настоящему полюбить лишь раз в жизни. На прочее их сердце оказывается не способно. Феи умирают, если умирает их возлюбленный. А мираи приучились не привязываться ни к кому. Дело в том, что их память хранит каждую деталь прожитой жизни до гробовой доски. Любимого родственника или друга они способны оплакивать вечность. По этой причине они редко по-настоящему отдают кому-то свое сердце. Их память безупречно хранит каждую черточку родного существа. Каждую улыбку, жест, запах. И новую пару они всегда будут невольно сравнивать с прошлой любовью. Чтобы этого избежать, Великие змеи предпочитают не влюбляться вовсе.

От этого рассказа мне стало еще хуже, чем от прежнего.

– Но все это я говорю не для того, чтобы расстроить вас, Шиарис. А чтобы пояснить, почему у людей так редко встречается магия, – заметил гoblin.

Честно говоря, после истории о мираях я уже с трудом понимала, к чему клонит профессор. Все внутри перемешалось. А мастер все говорил и говорил, словно затягивая меня в омут своих черных глаз, зачаровывая таинственным живым растением, скользящим по моей ладони.

– Магия любит постоянство, – звучал размеренный голос. – Это постоянство она находит в долгоживущих расах и очень редко – в людях. Однако любой человек, если очень сильно

захочет, сможет приручить силу. Главное – найти гармонию с собой. То постоянство, которое требуется магии, чтобы течь в нас, словно быстрая река. Вы понимаете меня, гематит Шиарис?

Я резко подняла голову, вглядываясь в узкое лицо гоблина, пытаюсь прочесть по его выражению, что он имеет в виду. Потому что я окончательно запуталась.

– Честно говоря, не очень, – пришлось признаться.

По тонким губам гоблина скользнула улыбка.

– Для вас я скажу проще, Фиана, – мягко проговорил он, приподняв бровь. – Магия проснется в вашей крови. Слово гоблина.

– Правда? – ахнула я, не веря своим ушам.

Сердце едва не остановилось. Никто не мог дать подобного обещания! Ни мне, ни кому-либо другому! Но... мастер Грильс дал. И, судя по его черным глазам, на дне которых словно оживало само волшебство, он не лгал.

Но как, подземье его зажуи, он мог это гарантировать?..

– Правда, – кивнул он, и антрацитовые зрачки вдруг опасно сузились. – Но только если вы пообещаете...

– Все что угодно! – воскликнула я, возможно, слишком поспешно. Но в тот момент мне казалось, что я способна выполнить любой приказ, любое пожелание гоблина. Если бы он потребовал что-то взамен... Как бы неправдоподобно это ни звучало, я была готова на все.

Вот только мастеру оказалось ничего не нужно. И это и впрямь пугало, намекая на то, что в его словах кроется какой-то скрытый, тайный смысл. Я даже дышать перестала.

– Вы должны пообещать мне не так много, гематит Шиарис, – покачал головой гoblin, отчего еще несколько косичек упали на его лицо, затемняя и так непроглядный мрак глаз. Несколько мгновений он молчал, пристально глядя на меня, а затем наконец ответил: – Магия не терпит непостоянства, гематит Шиарис... А потому, когда сила потечет по вашим венам, вы ни при каких обстоятельствах не должны решить, что без нее вам было лучше.

– Что? – опешила я от такого утверждения. – Почему я должна так решить? Я хочу уметь колдовать! Всегда хотела!

Какое-то время гoblin просто смотрел на меня, а затем вдруг вздохнул, словно то ли не поверил мне, то ли смирился с чем-то. И в тот же миг зеленый стебелек на моей руке начал вести себя странно.

Я мгновенно забыла о мастере, потому что его растение прижало корни вплотную к моим венам и тут же вонзилось в них, проникая в тело.

Я ахнула, пытаюсь сдернуть с себя колдовской ужас, но оказалось, что это невозможно! На мне уже не было растения! Оно стало плоским, прилипло к коже ладони. А затем и вовсе сделалось рисунком, который через пару мгновений исчез без следа.

– Что это?... Что это за...

Мне не хватало воздуха. К горлу подкатил удушливый страх.

Однако секунды утекали одна за другой, а я не чувствовала никаких изменений. Никаких движений в венах, ничего похожего на то, что там поселились невидимые черви или колдовские жуки. Нет, все было так, как и прежде.

– Что это? Мастер! – громче спросила я и увидела, что гoblin улыбается, пожимая плечами.

– Магия, – спокойно ответил он. – Просто фокус, гематит Шиарис. Просто фокус.

С этими словами он как ни в чем не бывало отошел от меня, и занятие продолжилось. Только я все еще чувствовала себя так, словно со мной произошло какое-то неведомое колдунство.

Впрочем, изменений по-прежнему не было. Я все так же не могла отражать магию без перчатки огровой крови и все так же была не способна наносить магические удары. Так что,

если гоблин и говорил правду о том, что однажды я научусь волшебству, это явно должно было произойти не сейчас.

Занятие уже подходило к концу, и все шло в штатном режиме, пока в пещеру не забежал какой-то старшекурсник с выступившей изумрудной чешуей на кистях и с отросшими черными когтями. Он выглядел испуганным и нервным, что, собственно, и объясняло частичную трансформацию василиска. Судя по всему, перед нами появился представитель именно этой расы.

Студент подбежал к профессору и быстро-быстро начал ему что-то рассказывать. Гоблин нахмурился, а когда парень покинул пещеру, мастер обернулся к нам.

– К сожалению, я вынужден остановить занятие. Сегодня в нашей академии произошло страшное преступление. Совершено убийство.

Эти слова прозвучали как грохот колдовской бомбы. Мертвая тишина разлилась по пещере, никто не смел произнести ни звука.

– Сейчас вы отправитесь по домам и в общежитие. Волноваться не следует, – добавил Грильс, но было видно, что он крайне обеспокоен. – Ректор Рессел и все наши преподаватели – маги высочайшего уровня, и я уверен, мы найдем убийцу быстрее, чем это сделали бы любые магические следователи. Кроме того, нам несказанно повезло, ведь наш мастер ядов – командор гвардиаров самого царя. И находить злоумышленников – его прямая обязанность.

Однотруппники зашептались, стал подниматься шум.

Я взглянула на Ханну. Краска отлила от ее лица, брови сдвинулись. Стоявший рядом Тельварис широко распахнул глаза, словно не верил в услышанное. Его губы были плотно стиснуты, кулаки сжаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.